

Андрей Воронин

МУ-МУ

**ЗАБРОШЕННАЯ
МОГИЛА**

Минск
Харвест

Му-Му

Андрей Воронин

Му-му. Заброшенная могила

«ХАРВЕСТ»

2009

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Му-му. Заброшенная могила / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2009 — (Му-Му)

ISBN 78-985-16-7636-7

С помощью директора частного сыскного агентства Сергея Дорогина
московские власти пытаются навести порядок в темных закоулках
похоронного бизнеса.

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 78-985-16-7636-7

© Воронин А. Н., 2009
© ХАРВЕСТ, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Воронин
Му-му. Зброшенная могила

© Харвест, 2009

Глава 1

Отполированный до блеска штык лопаты раз за разом вонзался в податливую весеннюю землю Троекуровского кладбища. Рабочий Гера Шалименко углубился в яму по грудь и решил, что настало время покурить. Он вытащил из кармана пачку «Кэмэла», щелкнул зажигалкой и выпустил струю дыма в теплый апрельский воздух. Потом достал из другого кармана плоскую фляжку и сделал солидный глоток.

– Гера, скоро клиента привезут! – раздался откуда-то сверху голос бригадира. – Потом покуришь!

Гера вздохнул, бросил сигарету на дно могилы и снова воткнул в землю лопату. Через минуту он заорал:

– Кира, мать твою! Тут кости!

Над бруствером могилы появилась мощная фигура бригадира.

– Какие там кости? Место вроде чистое...

– Посмотри сам...

Кирилл Воынов нагнулся над ямой.

– Во, холера, точно, кости... А там что? Остатки гроба? Глянь...

Гера наклонился и лопатой пошевелил землю.

– Ну... чья-то могила. Что делать будем?

– А ничего. Сейчас тару принесу, сыплешь все в нее и...

– Кира... А... если кто-то из потомков появится? Ты же мне сказал, что на этом месте не было захоронения...

Воынов, который вчера с помощью особо приближенных рабочих снес с этой заброшенной могилы старый памятник и надгробье и увез в неизвестном направлении, ответил:

– Дурак ты, Гера. Круглый дурак. Вся Москва... да что там – вся Россия на костях стоит. Давай выкапывай!

Гера содрогнулся. На кладбище он работал недавно, был принят сюда по рекомендации завмага с должности грузчика при магазине, где не смог работать по причине перманентного пьянства коллег и его самого, что отражалось на нервной системе беременной жены, родственницы того самого завмага. Да и платили тут в три раза больше... Жену и будущего сына он, несмотря на неожиданную женитьбу по залету, готов был полюбить. Но выкапывать столетние кости... Брать их руками и класть в какую-то тару... Геру чуть не вырвало. Но что оставалось делать?

Гера копнул лопатой. На поверхность выскочил череп. Белый, вылизанный смертью и временем. Нижняя челюсть отвалилась...

...Он никогда не играл черепами в футбол, в отличие от пацанов, которые жили возле старинных кладбищ, стараниями большевиков превращенных в парки «культуры и отдыха». В первые годы советской власти такие «парки» были усеяны останками их прадедов и прабабок. Гера родился намного позже – в те времена, когда вражда предков и потомков была сведена к «решениям партии и правительства», регулирующим всего лишь порядок захоронений, но не их полное уничтожение. Поэтому выкопанные кости для него были просто человеческими костями, но не останками «классовых врагов», покоившихся под мраморными памятниками кладбищ старой Москвы. И Гера заорал:

– Кира! Я не буду их выкапывать!

Вася Протас, худошавый сорокалетний мужичок, исполнявший при кладбище самые разные обязанности, никогда официально не состоял в штате. Тем не менее считался здесь неза-

менимым специалистом, потому что обладал одним весьма полезным качеством – полнейшим отсутствием брезгливости.

Вася прибил к Троекуровскому кладбищу лет пять назад. Никто не знал, откуда он родом, да и навряд ли кому-то приходило в голову интересоваться этим. В один из холодных зимних вечеров кладбищенский сторож обнаружил среди могил почти до смерти замерзшего бродягу, пожалел его, отогрел с помощью испытанного средства – чистого медицинского спирта, и с тех пор Вася так и жил в сторожке, показав себя человеком не болтливым, что тоже было качеством немаловажным в похоронном деле.

Бывший бродяга привязался к кладбищу так, как добропорядочный семьянин привязывается к собственной квартире. Никто из кладбищенских служителей не удивился бы, узнав, что у него тут в хороших знакомых числится паратройка местных привидений, с которыми он иногда по ночам пропускает по стаканчику-другому. Во всяком случае, лишь он один готов был всегда спуститься в раскопанную могилу и голыми руками сложить в пластиковый мешок найденные там человеческие останки. А ведь иногда в заброшенных могилах, которые никто не посещал чуть ли не столетие, находились почти целые гробы, в которых лежали прекрасно сохранившиеся тела покойных. Вася не задумывался над тем, были эти люди святыми или просто могила попала в какую-то загадочную точку пересечения не менее загадочных полей. Он просто выкапывал гроб, обвязывал его веревками, с помощью рабочих вытаскивал из могилы, грузил в машину и дальше о его судьбе заботился не больше, чем хозяин квартиры о мусоре, выброшенном из нее после ремонта. «Утилизацией» старых покойников, вынужденных уступить свое место новым, занимался сам Волинов. Василий же, по всей видимости, относился к этому делу действительно как к уборке квартиры.

– Вылазь, Гера, – скомандовал Волинов. – Вася идет.

Протас молча прыгнул в яму, из которой с помощью бригадира только что выбрался Гера, и привычно начал собирать в мешок кости бывшего хозяина могилы.

* * *

Профессора МГУ, доктора филологических наук Кана Савинского убили ранним утром в понедельник, 12 мая. Три дня назад ему исполнилось 35 лет.

Директор детективного агентства «Ольга» Сергей Дорогин узнал о том, что его друга застрелили у подъезда своего дома, через час после того, как прогремели выстрелы. Мертвый женский голос в трубке мобильного медленно произнес:

– Сергей, Кана убили...

Дорогин, ехавший на работу, резко свернул в первый попавшийся переулок. Поскольку он знал, чем занимается профессор в свободное от лекций и семинаров время, это известие вроде и не могло его удивить...

– Вообще-то, я не боюсь умереть, – заметил Кан в прошлую субботу, когда собрал друзей на свой день рождения, наливая Дорогину рюмку коньяку и отвечая на какую-то его фразу о жизни и смерти. – Есть вещи поважнее, чем собственная жизнь, чем простое выживание...

– Например? – посмотрел на него в упор Дорогин. – Идея, что ли?

– Нет, за идею умирать глупо. За идею жить надо, чтобы ее отстаивать.

– Что же тогда?

– Жизнь, как это ни парадоксально звучит. Жизнь любимого человека. Умереть, чтобы он жил... – Кан мечтательно посмотрел куда-то поверх Дорогина. – Но только чтобы жил. Если не получается, как у меня, – тогда мстить тем, из-за кого он погиб. И, опять-таки, жизни на это не жалеть, но только если месть принесет пользу другим. Если у тебя, например, другой мужик подружку отбил, что – убивать или умирать из-за этого? Кому ты что докажешь?..

Бывшая студентка профессора Савинского Вероника, недавно ставшая его женой, молча улыбнулась и на мгновение прижалась щекой к его плечу. Уж она-то прекрасно знала, что каждое слово мужа было им выстрадано. И поэтому за свои слова он отвечал, как никто.

...В 1973 году, когда Кан появился на свет, вьетнамская война близилась к завершению. Было подписано Парижское мирное соглашение, американцы выводили войска, но до полной победы коммунистов оставалось еще почти два года.

Отец Кана, подполковник Главного управления КГБ Самуил Савинский, происходил из семьи потомственных советских дипломатов и разведчиков. В то время, когда евреев за границу практически не выпускали, а если и выпускали, то не поручали им ответственных государственных заданий, он стал редчайшим исключением, зарекомендовав себя не столько принадлежностью к преданной советской власти династии, сколько личными качествами. Если дед Кана Моисей Савинский, светловолосый великан с голубыми глазами и арийским носом, всю Вторую мировую войну провел в Германии, снабжая командование бесценными сведениями, то Самуил Моисеевич работал на Ближнем Востоке, порой даже против своих соплеменников, и зарекомендовал себя как «преданный делу марксизма-ленинизма» «боец невидимого фронта».

Когда в Индокитае запахло жареным, подполковника Савинского перевели из Египта во Вьетнам, хоть он и заявил честно, что не очень хорошо знаком с тамошней спецификой. Но приказы не обсуждают, и в середине шестидесятых годов новоиспеченный сотрудник советского торгпредства в Ханое приступил к исполнению своих официальных и неофициальных обязанностей.

Самуилу Савинскому пришлось заниматься обеспечением поставок вооружения и других грузов из Советского Союза.

Подполковник не отсиживался в Ханое. Сидя в столице, обеспечивать поставки грузов и переброску людей по тропе Хо Ши Мина, которую вьетнамцы с помощью китайских рабочих прорезали в горных джунглях, было невозможно. Тропа никогда не была одной дорогой, а являлась сетью дорог и тропинок, вьющихся через горы Труонг Сон вдоль границы между Вьетнамом и Лаосом. С 1964 по 1971 год около шестисот тысяч военнослужащих Северо-Вьетнамской армии и десятки тысяч тонн снаряжения попали на юг по этой тропе.

Сорокалетний подполковник Комитета Госбезопасности СССР, до сих пор не нашедший родную душу женского пола в границах своей страны, нашел ее, как он сам выразился через много лет, «у черта на куличках».

Девушке по имени Ли Куок исполнилось двадцать лет. Она была дочерью коммуниста, близкого соратника Хо Ши Мина. Савинский познакомился с ней, понятно, не на улице – Ли выполняла задания вьетнамской разведки, часто ее направляли в Сайгон для связи с вьетконгом. Девушка была маленького, как и большинство вьетнамок, роста, с черными как смоль длинными волосами и крошечными детскими ступнями, которые больше всего умиляли Савинского.

Вьетнамца, который два года был переводчиком советского подполковника, убили во время налета американской авиации, и Ли Куок поручили его заменить – девушка прилично владела русским.

За месяц, который они провели вместе, практически не расставаясь, подполковник убедился, что Ли – это нечто совершенно удивительное. Как в свои двадцать лет она успела получить неплохое образование, выучить русский и английский – для него было загадкой.

Так получилось, что с первых дней у них сложились отношения ученика и учителя. Причем каждый был обоими в одном лице – Ли рассказывала ему о своей стране и с интересом вслушивалась в его рассказы о Советском Союзе, стране, где она побывала лишь раз, по приглашению ЦК ВЛКСМ, с делегацией молодых вьетнамских коммунистов. В тот вечер, через

месяц после знакомства, они тоже разговаривали – подполковник хотел уточнить кое-что из древней истории Вьетнама.

– Ли, послушай, разве Вьетнам не всегда был единым государством? Я не успел как следует познакомиться с вашей историей...

– Нет, Самуил. То, что Вьетнам поделен на две части, – не заслуга политиков XX века. В Средние века, хотя династия Ли была признана единственной законной правящей династией во Вьетнаме, соперничество между фамилиями Трин, из которой я, кстати, происхожу, на севере страны, и Нгуен на юге стали причиной множества войн. У Нгуенов были португальские военные советники, которые руководили сооружением двух огромных стен, пересекавших главные дороги севернее Гуэ. В течение пятидесяти лет сражений Тринам ни разу не удалось преодолеть ни одну из этих стен, и в 1673 году река Лингх была признана границей между двумя территориями. Так продолжалось много лет, Юг и Север все больше отдалялись, даже кухня у нас, на севере, отличается от южной. Французы страну объединили, но она была тогда колонией, а ведь по-настоящему единой может быть только свободная страна, все искусственные объединения недолговечны. Особенно если в одной стране живут люди разных национальностей.

Подполковник удивленно поднял брови:

– Но у нас в стране...

– Я не имею в виду Советский Союз. Я говорила о колониальных державах, как, например, Франция или Англия. Что от них осталось? Только метрополии, колониям пришлось дать свободу. Правда, не все сумели ею воспользоваться. Некоторые живут хуже, чем при колониализме...

Савинский решил сменить тему и неуклюже высказался:

– Свобода – это не всегда хорошо. Вот я, например, свободен... – И, только заметив, как покраснела девушка, понял всю двусмысленность произнесенной фразы. Но было поздно. И тогда в силу своей профессии никогда не красневший подполковник КГБ ощутил, как к щекам приливает кровь.

Молчание, которое длилось, как им казалось, целую вечность, было красноречивее любых объяснений. А дальше все было замечательно.

Когда еще через месяц Савинского вызвал руководитель резидентуры КГБ, подполковник на прямой вопрос: «Что у тебя с дочерью члена политбюро компартии Вьетнама?» – только развел руками и ответил так же прямо: «Любовь!»

И влюбленных оставили в покое.

Это тоже было чудом – невесты сотрудников Конторы проходили сквозь такое же сито проверок, как и сами сотрудники. Связи с иностранками, даже с такими, как дочери руководителей братских компартий, отнюдь не приветствовались. Но этот роман под американскими бомбами получил благословение с самого верха: оказывается, по просьбе Ли Куок ее отец вышел на связь с одним из секретарей ЦК КПСС, изложил ситуацию и отбил-таки дочь и будущего зятя от грядущих неприятностей.

Самуила Савинского оставили во Вьетнаме и даже повысили, назначив заместителем резидента. Это ничем не изменило его жизнь – он так же продолжал курировать поставки оружия и, подвергая свою жизнь опасности, ездил вместе с Ли Куок по всему Северному Вьетнаму. А незадолго до вывода американских войск, в 1972 году, во время американской бомбежки Хайфона девушка чуть не погибла. Здание, в котором они находились, было накрыто бомбой, и, если бы не брат Ли по имени Кан, который в качестве уполномоченного правительства ДРВ сопровождал «сотрудника торгпредства» и его переводчицу в этой поездке, ее бы раздавило бетонной плитой. Кан, увидев, что плита начинает падать, вытолкнул из-под нее сестру, а сам выскочить не успел...

Когда через полтора года, уже в Москве, в семье Самуила и Ли Савинских родился сын, его назвали Каном.

В руководстве КГБ брак подполковника вызвал некоторую растерянность. Савинский, о котором, оказывается, знали на самом верхе властной пирамиды, приобрел большой вес, но стало ясно, что на прежней работе за границей его использовать нельзя. «Угораздило его на этой дюймовочке жениться! – ругалось начальство. – Готовый шеф резидентуры пропал! Третью звезду на погоны – и вперед с песней... Ну куда его теперь такого пошлешь...» Впрочем, звание полковника ему все-таки дали. Но решили перевести Савинского в аналитическое управление, за столом сидеть, бумажки писать, отчеты шпионов читать.

Затосковал Савинский. Не по нему была такая работа. Даже запил слегка, хотя где вы видели запойного еврея, да еще в чине полковника КГБ? Единственным утешением был новорожденный Кан. Счастливым отец уже предвкушал, как после армии (конечно же, ВДВ!) его сынок поступает в МГИМО, потом оканчивает школу при Конторе и отбывает на задание, провожаемый слезами матери и мужественными напутствиями отца...

Отец жестоко обманулся. В год восемнадцатилетия сына Советский Союз с треском развалился, а шестидесятилетний генерал в отставке Самуил Савинский, вместо того чтобы с оркестром отправить сына служить Отечеству, вынужден был «проглотить» известие о том, что Кан блестяще сдал экзамены на филологический факультет МГУ.

Мать, Ли Куок, по советскому паспорту Лия Ивановна Савинская, только улыбалась на упреки мужа и говорила, что гены филолога победили гены разведчика. Крохотная вьетнамская переводчица стала профессором кафедры зарубежной литературы того же самого факультета, куда поступил сын.

Сказать, что в школе, а затем в университете Кан отличался особой усидчивостью, – значит погрешить перед истиной. Делать домашние задания по математике, физике и химии так, как это делали его сверстники, просиживая часами за столом, он просто не находил нужным – зачем, если все успеваешь на переменах? Кроме чтения, конечно. Книги Кан поглощал в невероятных количествах и с невероятной скоростью. А уж тетрадки с его сочинениями попадали на стол академиком от филологии, долгое время считавшим, что их мистифицируют. Ну не может пятнадцатилетний пацан, хоть и круглый отличник, анализировать Достоевского и Толстого на уровне кандидата наук. А уж когда узнавали, что юный гений считается своим человеком в среде дворовых хулиганов...

...Аспирант Кан Самуилович Савинский и кандидатскую написал на уровне докторской. Рассуждая о сюжетных заимствованиях в творчестве Пушкина, он не просто проанализировал произведения поэта с указаниями на источники сюжетов в иностранной литературе того времени, но вывел общий принцип классификации сюжетов. Вскоре в литературоведческих кругах заговорили даже о «школе Савинского», которой пророчили блестящее будущее.

А сам родоначальник «школы», кандидат филологии, мастер вьетнамской борьбы Нят Нам, автор десятка научных работ, в свои двадцать семь лет первый раз влюбился по-настоящему. Само собой, Кан никогда не был отшельником, мало того, девчонки бегали за ним табунами, но что-то, а легкомыслие не принадлежало к числу качеств Савинского-младшего. Да и пример отца был перед глазами.

Избранницей Савинского стала его ровесница, преподаватель физфака Ольга Литвина, тоже кандидат наук. Они были настолько разными и по характеру, и по роду занятий, что, когда он предложил Ольге руку и сердце, она сказала:

– Савинский, ты знаешь, что бывает от контакта вещества и антивещества?

– Аннигиляция, – тоном студента на экзамене ответил Савинский. – Но, по-моему, нам это грозит в меньшей степени. Согласно закону сохранения, даже если мы с тобой и аннигилируем когда-нибудь, у нас останется одно или несколько вещественных продолжений. Мужского и женского пола.

Ольга засмеялась и бросилась Савинскому на шею. Через месяц они поженились.

Два года Кан и Ольга прожили в мире и согласии. Только вот «продолжения» все не было, хотя оба были абсолютно здоровы и в постели вытворяли такое, что у соседней снизу осыпалась с потолка побелка. Врачи только пожимали плечами. И только съездив в Швейцарию на консультацию к известнейшему специалисту, они узнали, что детей у них не будет и виной всему – крохотная генетическая аномалия, которая выявилась у Ольги. Это даже не заболевание, а встречающееся раз на несколько миллионов человек незначительное отклонение в геномном механизме. Лечению оно не подлежало.

Для нее это стало трагедией. Да и Кан ходил словно в воду опущенный. Он настолько любил свою жену, что готов был даже продать душу дьяволу, только чтобы не видеть слез в ее глазах.

После того как стало известно о ее бесплодии, Ольга быстро стала меняться. Веселая, невероятно красивая тридцатилетняя женщина прямо на глазах превращалась в ведьму. Истерики стали настолько частым явлением, что даже соседи к ним привыкли. Причем слышали они только голос Ольги, Кан отмалчивался, понимая, что это горе говорит в женщине. Кан терпел. И готов был терпеть до конца жизни.

А потом и вовсе начался ад.

Ольга впервые попробовала наркотик прямо у себя в учебной физической лаборатории. «Вечный аспирант» Коля Шатунов, который писал диссертацию уже седьмой год и по этому поводу жутко комплексовал, для того, чтобы загнать свои комплексы как можно глубже, использовал пришедший на русскую землю кокаин. Он и предложил Ольге понюхать белый порошок.

И кокаин стал неотъемлемой частью ее жизни. Кан до поры ничего не замечал, но вскоре зелье перестало оказывать на Ольгу прежнее действие, и она решила попробовать более сильные средства. Через несколько недель кандидат физико-математических наук Ольга Савинская стала героиновой наркоманкой.

Савинский не мог видеть, как на его глазах гибнет любимая. Чего он только не делал! Как он только не спасал женщину, которая с каждым прожитым днем теряла человеческий облик! Он помещал ее в лучшие клиники – она сбегала оттуда. Он подмешивал в наркотик сахарную пудру, чтобы уменьшить дозу, – она замечала и швыряла в него тарелками. Он дошел до того, что позвал в когда-то счастливый дом колдуна, который, по слухам, мог вылечить наркомана, – она издевательски хохотала и демонстративно втыкала иглу в вену на почерневшем сгибе левого локтя.

В конце концов студенты заметили, что их кумир доцент Савинский не в себе. Особо ушлые решили разузнать, что же гнетет учителя. Составилась группа парней и девушек, которых можно было назвать любимцами доцента. Послали разведчика на физфак – сама собой напрашивалась версия о том, что не все в порядке с женой Савинского. Оттуда разведчик вернулся с самыми мрачными вестями.

К тому времени Ольга уже не работала. Не могла. Подсела на иглу так, что никакое лечение не помогало. Но она еще жила. И эта жизнь приносила и ей и ее мужу такие муки, каких можно пожелать лишь самому страшному злодею мира.

Кан постепенно сходил с ума. Он сам приносил жене наркотики, не в силах слышать ее жалобные стоны. Ольга почти не вставала с постели, к концу второго года ходила под себя. Она стала инвалидом, и только забота мужа держала ее на этом свете. Два раза она пыталась покончить с собой, но Кан был начеку. Не получалось самому – просил побыть с Ольгой мать или отца, которые все понимали, но все, чем могли помочь, – это посидеть с несчастной женщиной.

Мысль о том, что самое страшное зло на свете – наркотики, пришла к нему не вдруг. Он это выстрадал. Кан понимал, что, не будь этого яда, Оля могла бы в конце концов смириться с тем, что у нее не может быть детей. Усыновили бы брошенного ребенка. Нашли бы суррогатную мать. Да мало ли что! Но уже после первого укола героина обратной дороги не было.

Савинский целыми ночами ходил по своему кабинету из угла в угол, прислушиваясь к прерывистому дыханию жены, доносившемуся из соседней комнаты. Он не знал, что делать. Молился – не помогало. Пробовал пить – стало еще хуже. Поделиться горем, кроме матери и отца, он ни с кем не мог – при множестве добрых знакомых близких друзей у него не было. Оставалось терпеть. И он терпел. Приходил на кафедру осунувшийся после бессонных ночей, хриплым голосом после десятков выкуренных сигарет читал в аудиториях лекции, на полном автомате принимал зачеты и экзамены. Куда делся блестящий оратор, лекции которого приходили послушать студенты-филологи всех вузов Москвы?..

Последнюю «дозу» Савинский принес жене за день до Нового, 2006 года. Он купил героин на Арбате, у скользкого мужичонки с крохотными бегающими глазками. Он запомнил его хорошо, как и многих, у кого покупал зелье. Так, на всякий случай. Пока – без какой-то определенной цели.

Кан вернулся домой, снял полушубок, постоял минуту у елки, которую он, несмотря ни на что, принес с елочного базара и нарядил старыми, купленными еще в его детстве елочными игрушками. Вынул одноразовый шприц, приготовил раствор, подошел к жене, которая, укрывшись пледом, неподвижно лежала на тахте и тихонько стонала. Скорее почувствовав, чем услышав его приближение, она приоткрыла глаза.

– Принес? – еле слышно спросила Ольга. – Спасибо, родной мой.

Кан протер спиртом руку и сделал укол. На лице Ольги появился румянец, она еле заметно улыбнулась и дотронулась до его колена тонкой, словно веточка, рукой. Кан нагнулся и услышал шепот. Ольга повторила:

– Спасибо, родной мой...

Когда через час генерал Савинский открыл своим ключом дверь и вошел в комнату, его сын сидел на тахте и баюкал на руках мертвую Ольгу...

* * *

Прошел год. Кан существовал в двух мирах. В одном из них он был университетским преподавателем, у которого постепенно сошли черные круги под глазами, восстановился голос, прежде всегда хмурое лицо иногда проясняла улыбка. В другом мире этот человек был беспощадным убийцей. Мстителем. Чистильщиком мира от падали.

Был еще и третий мир, соединявший два первых. Через сорок дней после смерти жены Кан Савинский отправился в мэрию с пакетом документов, нужных для регистрации общественного объединения, целью которого была борьба с распространением наркотиков и помощь пострадавшим от них людям. Организация, которую зарегистрировали без малейших проволочек, называлась «Тхе Хук», что в переводе с вьетнамского означало «место, куда падают первые лучи утреннего солнца».

И вот случилось непредвиденное. Кана Савинского больше нет.

...Похороны Кана назначили на пятницу, 16 мая. Покойный профессор лежал в открытом гробу – пулевое отверстие в его высоком лбу умело заgrimировали, другая же пуля попала в сердце. Вероника Гаршина, вторая жена профессора, сидела рядом с его родителями у гроба. Всегда подтянутый отставной генерал КГБ Самуил Савинский за несколько дней превратился в согнутого горем старика. Мать Кана, вьетнамка Ли Куок, в черном платке, прикрывавшем седые волосы, не отрывала взгляда от гроба, где лежал ее единственный сын.

Дорогин вошел в квартиру Кана за десять минут до выноса тела. Он заметил занимавших позиции вокруг дома «наружников» разных ведомств – от ФСБ и МВД до службы охраны нового Президента Российской Федерации. Директор детективного агентства прекрасно знал, что убийство Савинского получило широкий общественный резонанс и на фоне только что прошедшей инаугурации новому первому лицу государства было весьма неприятно получить

известие о террористическом акте – именно так интерпретировали происшедшее в верхних эшелонах власти. Действительно, что могло послужить причиной убийства видного профессора, который бизнесом не занимался, с криминалитетом связан не был, правда, вел не очень заметную общественную деятельность в качестве председателя общественной организации «Тхе Хук», которая помогала жертвам наркотиков? Совсем немногие знали, чем на самом деле занималась эта организация...

...Мелкого торговца наркотиками Гришку Шаболтасова в его кругу называли «Батоном». Этимология «погоняла» была проста, как две копейки образца 1961 года. Минимум два раза в день Гришка рассказывал бородатый анекдот про булочку с маком и батон с героином и сам же смеялся, прищурив крохотные глазки с красными прожилками.

Тело Батона нашли в одном из Арбатских дворов, недалеко от места, где он в розницу продавал разбавленный тальком героин. Жильцы дома, около которого это произошло, сначала подумали, что на лавочке у подъезда заснул перепивший бродяга, но, когда он пролежал там долго, вызвали милицию. Была оттепель, труп успел завонять, и сержанты из патрульно-постовой службы только чертыхнулись, когда поняли, что придется помогать грузить его в труповозку. Впрочем, эти парни к такой работе были привычные.

Патологоанатом удивленно присвистнул, обнаружив в брюшной полости покойного десяток пакетиков с наркотическим веществом.

Сперва смерть списали на разборки наркоманов, которым вместо героина подсовывали какую-нибудь похожую по консистенции дрянь. Но при более тщательной экспертизе выяснилось, что в крови Шаболтасова присутствует весьма специфический наркотик, называемый в среде спецслужб «сывороткой правды». И маховик расследования закрутился.

В ближайший месяц в Москве зарегистрировали еще десять трупов распространителей наркотиков, принадлежавших к разным кланам. На Петровке сделали правильный вывод: «работает» «мститель», у которого от употребления наркотиков умер или умирает близкий человек. Даже психологический портрет составили: «Предположительно отец юного наркомана, бывший, а то и действующий сотрудник правоохранительных органов, судя по тому, насколько «чистыми» являются убийства...». И т. д.

Аналитики МВД предупреждали, что вслед за убийствами мелких последует устранение крупных фигур наркобизнеса. Они не ошиблись. И если «мелочь» убирали просто – с помощью ножа или пули, то смерть «королей» не была такой легкой.

Первой по-настоящему серьезной акцией «неуловимых мстителей» стало нападение на особняк «наркобарона», известного в определенных кругах под именем Миша. В один прекрасный день у него собрались гости на «планерку», посвященную поиску и уничтожению «мстителя». И тот или один из тех, о ком шла речь, не заставил себя ждать. Два залпа из базуки разнесли особняк в пыль, а чудом уцелевших выкосили из автоматов. Операция была проведена на уровне мощнейших спецслужб: просто, элегантно и главное – эффективно. Свидетелей почти не осталось, а «Ниву», на которой приехали «террористы», нашли в лесу полностью сгоревшей.

Тут уж на Петровке заволновались. Начали трясти агентуру. Все как один «стукачи» утверждали, что никакого передела сфер влияния между поставщиками и распространителями наркотиков не планировалось и о новой силе, решивший захватить рынок столь традиционными кровавыми методами, ничего неизвестно.

Пока суд да дело, погиб еще один «корифей» отечественного наркобизнеса, выходец из Таджикистана по имени Султан. Его нашли задушенным в туалете элитного клуба, где он предпочитал коротать время.

На следующий день в квартире собственной любовницы обнаружился азербайджанец Муса, которого пригвоздила к дубовой двери стрела из арбалета. Оружие нашли тут же, на полу, – такие арбалеты одно время свободно продавались в магазинах охотничьих товаров.

И уж совсем ни в какие ворота не лез случай, когда сразу трое известных органам, но не пойманных за руку наркодилеров один за другим выпрыгнули из окна девятого этажа. При этом соседи не слышали ни криков, ни звуков борьбы, двери не были взломаны, в комнатах царил полный порядок.

...Все эти акции были организованы Каном Савинским, который теперь готовился навсегда покинуть квартиру, откуда больше трех лет назад вынесли гроб с телом его первой жены. Несколько сотен человек собрались у подъезда – студенты, преподаватели, матери и отцы наркоманов, которым Кан помог вернуть сыновей и дочерей. Не пришли только те, кто помогал Савинскому уничтожать дельцов от наркобизнеса. Эти парни прекрасно понимали, что каждого из пришедших зафиксируют бесстрастные камеры спецслужб, идентифицируют, просеют сквозь сито всевозможных проверок. Своего шефа они помянут позже... И постараются найти убийцу.

Глава 2

В конце февраля мэр столицы России вызвал в свой кабинет одного из ближайших помощников, Сергея Бондарева, невзрачного человечка в сером костюме с неброским галстуком. Дождавшись, пока Бондарев сядет в кресло и насладится зрелищем Георгия Победоносца на гербе Москвы, висевшем над головой многолетнего градоначальника, тот спросил:

– У тебя человек надежный в запасе имеется?

– Имеется, – ответил помощник. – А для чего нужен?

– Да вот, понимаешь, Купцов совсем оборзел. Нужен ему противовес... Бывший «кладбищенский директор» вовремя почил в Бозе. Наш человек на его место нужен. А то покойный Демин у Купцова под каблуком был. Да и, кроме того, за его «кладбищенскую деятельность» легче всего ухватиться. Все остальное, чем этот деятель грешит, более-менее в порядке вещей, все так зарабатывают. Но то, что он кладбища подмял...

Помощник понимающе кивнул головой:

– Жалуется, поди, люд столичный?

– Не без того, – удрученно сказал мэр, привыкший, что в его епархии все делается по принципу «Спите, жители Багдада, все спокойно...». – И ведь какой «люд» жалуется! Самый что ни на есть уважаемый. Кое-кому он сильно на мозоль наступил. Да с этими кладбищами всегда проблем хватало.

Бондарев усмехнулся.

– Ну, положим, не так уж и всегда. Сразу после войны даже простого гражданина могли похоронить если не на Новодевичьем, то на Ваганьковском, не говоря уж про какое-нибудь Кунцевское или Троекуровское.

Мэр поморщился.

– А сколько тогда народу в Москве жило? Да и подмосковные вотчины наших бояр тогда в черту города не входили. А в каждой – только частный сектор был, ну, и соответственно свое кладбище при церкви. Ну, да ладно. Кто этот твой «хороший человек»?

– Могу порекомендовать Матвея Хвостова. Вы, кажется, его знаете. Мужик со всех сторон правильный. Когда-то служил в десанте, в разведке, ушел в бизнес, по причине своей «правильности» особо не разбогател. Теперь работает в администрации Северо-Западного округа. К кладбищенскому бизнесу никакого отношения не имеет.

– По мне хоть бы и имел, – заметил мэр. – Главное, чтобы под Купцова не лег.

– Я понял. Купцов на нем не проедет. Где сядет, там и слезет. Тем более Хвостов не дурак, понимает, что открытый передел кладбищ нам не нужен. Короче, наш человек.

– Хорошо. Представь мне его на следующей неделе. Скажи, что предлагаем ему возглавить «Ритуал».

* * *

Матвей Хвостов, пятидесятилетний отставной майор Главного разведывательного управления, действительно не имел никакого отношения к системе криминального кладбищенского бизнеса. Последний раз он имел дело с так называемыми ритуальными услугами год назад, когда на Николо-Архангельском кладбище хоронил жену, умершую от рака. Для него долгое время было загадкой, как о смерти Татьяны Васильевны узнали сразу четверо представителей похоронных контор, устроивших в его квартире конкурс с целью уговорить его похоронить жену именно с помощью их ритуальных фирм. Но когда он рассказал об этом своему бывшему сослуживцу, работнику мэрии Бондареву, тот хмуро взглянул на него и поведал о разветвлен-

ной системе «похоронного шпионажа», существующей не только в Москве, но и практически во всех крупных городах России.

За доступ к «приличному» мертвому телу можно ведь просто заплатить, не пачкая рук собиранием окочурившихся бомжей по подвалам или неопознанных «подснежников» по свалкам (так в милиции называют жертв преступлений, обнаруженных весной при таянии снегов). За них если и платят похоронным конторам, то самый минимум. И вот убитые горем родственники вызывают к постели умершего «скорую помощь», которая должна зафиксировать факт смерти, и милицию, дающую направление в морг. Сотрудники этих двух служб и дают «наводку» ритуальным службам. Естественно, не за спасибо. За «теплый» труп участковым милиционерам и санитарам «скорой» платят от 500 до 3000 рублей. А потом, само собой, включают эти расходы в калькуляцию похорон. Расчет верный: люди, которых постигло горе, вряд ли станут торговаться, считать копейки. Им не до этого.

Отсюда и конкуренция: зачем участковому лейтенанту или санитару «скорой» работать на одно-единственное агентство, если можно на два-три? Пусть даже все они окажутся «честными», тот самый участковый может осведомлять одно агентство, санитар – другое, фельдшер – третье, водитель «скорой» – четвертое... Вот и затеваются у дверей квартиры покойного «аукционы» – кто меньше возьмет за проводы в последний путь...

Тогда же Бондарев рассказал Хвостову о беспределе, который творится на кладбищах и с которым безуспешно борется глубокоуважаемый мэр Москвы и его коллеги из других городов. Хвостов тогда только покачал головой – о многом из этого и писали, и говорили, но воз оставался и ныне там.

...Когда до сознания бывшего разведчика Хвостова дошло, на какую работу приглашает его бывший полковник ГРУ Бондарев, он только почесал коротко стриженный затылок.

– Ну, Сергей Леонидович, ты даешь! Я – и кладбища? Окстись, полковник, не тот я человек. В гробовщики не гожусь.

– А я тебя в гробовщики не зову, – отрезал Бондарев. – Порядок с кладбищами наводить надо. Да и не только с кладбищами.

– Допустим, – нахмурился Хвостов. – И как, по-твоему, я этот порядок наводить буду? Насколько я знаю, там господин Купцов, заместитель мэра, командует.

– Правильно знаешь. Но не до конца понимаешь. Можешь считать, что мы тебя к нему «на усиление» отправляем, как раньше говорили. Или по-другому, если тебя больше устраивает, – комиссаром. Да и не командует он там, а только курирует. Командовать будешь ты. Как понял? Прием!

Именно такой фразой Бондарев заканчивал сеансы связи, когда они с Хвостовым служили в «горячих точках» бывшего СССР. Произнеся ее, он дал бывшему подчиненному понять, что пререкания неуместны.

– Когда приступать? – сдержав просившиеся наружу возражения, спросил Матвей Иванович.

– В понедельник, 3 марта, у тебя встреча с мэром. После этого сразу и приступишь. За выходные почитай, что сможешь найти, по истории московских кладбищ, законодательную базу посмотри обязательно. Если у тебя возникнет пара мыслей, как улучшить работу ритуальных служб, будет просто замечательно.

* * *

Матвей Хвостов жил один в большой трехкомнатной квартире в районе Можайского шоссе. Сын, удачливый тридцатилетний бизнесмен, купил себе квартиру неподалеку, на Кутузовском проспекте, но виделся с отцом нечасто. Так и получалось, что к себе домой отстав-

ной майор приходил только ночевать, целые дни проводя на работе, где он занимался социальными проблемами населения северо-запада Москвы, а выходные – на своей небольшой даче в Подмосковье. Тем не менее квартира содержалась в порядке, за ней присматривала одинокая пожилая женщина, которую Хвостов нанял в самом начале тяжелой болезни жены.

После встречи с бывшим сослуживцем отставной майор вернулся домой и окинул взглядом стеллажи с разнообразным справочным материалом. Папки, справочники и компакт-диски с базами данных накопились за годы работы в ГРУ, а также за те десять лет, когда он после неудавшейся карьеры бизнесмена вновь поступил на госслужбу. Достав нужный компакт со сведениями о кладбищах Москвы, он включил компьютер.

...Раньше на Руси кладбища никогда не были местом, где люди наживаются за счет горя других. Случись так, что в народе узнали бы, что некто отвечающий за похороны обсчитал, обманул родственников покойного, с таким поступили бы так, что он сам предпочел бы побыстрее занять место на кладбище. Конечно, богатые и знатные могли претендовать на лучшие места, в центре, ближе к храму, да и гранитная, а то и мраморная плита служила напоминанием о том, что имярек жил на этой земле и отошел к Господу. Даже бедноте не приходилось запрягать лошаденку, чтобы навестить прах усопших. Места хватало для всех.

Но времена изменились. И если в XVIII веке, когда Москва перешагнула Земляной вал, а население ее достигло двухсот тысяч человек, в столице образовалось более трехсот кладбищ, то теперь в десятиллионном мегаполисе осталось всего шестьдесят четыре некрополя. Конечно, никто из новопреставленных рабов Божьих без погребения не остается, но кто из родственников хочет в поминальные дни ехать за тридевять земель? Да и престиж дело не последнее.

...После принятия христианства на Руси усопших старались по возможности хоронить ближе к Богу – возле приходских церквей и монастырей.

Древнейшие московские захоронения находятся на Соборной площади Кремля и в Свято-Даниловом монастыре XIII века. В Москве обычай хоронить в городских церквях и возле них сохранялся до второй половины XVII века, но в 1657 году при Алексее Михайловиче после эпидемии чумы появилось «Уложение о градском строительстве», которым строжайше запрещалось совершать захоронения на территории Кремля. Тогда же были выделены участки земли для обустройства городских кладбищ, первым из которых было Лазаревское (в районе нынешней Марьиной рощи).

В 1723 году Петр Великий издал указ о запрете захоронений в пределах города для всех, кроме «знатных персон». В связи с вновь захлестнувшей Москву эпидемией чумы императрица Екатерина II издала указ, по которому возбранялось хоронить умерших от чумы в черте города и повелевалось отвести для них особые кладбища за городом и построить на оных на первый случай небольшие деревянные церкви. Границу Москвы определили по Камер-Коллежскому валу, за чертой которого и были обустроены двадцать новых кладбищ. В годы правления Екатерины сложилось российское законодательство о погребении, и положения его были закреплены во «Врачебном уставе», согласно которому кладбища должны были устраиваться: в городах – на расстоянии не менее 100 сажень (то есть 213 метров) от последнего жилья, в деревнях – на расстоянии не менее полуверсты – 250 сажень. Для новых погостов выбирались красивые места, преимущественно на холмах и с песчаным грунтом. Так возникли многие старые московские кладбища: Миусское, Преображенское, Семеновское, Дорогомилдовское, Рогожское и Ваганьковское.

В конце XIX – начале XX века с ростом населения Москвы и расширением жилой застройки увеличилось и число городских кладбищ. Многие из них, бывшие за городом, теперь оказались в его черте. Одни из них закрывались для захоронений, другие переносились на

новые места. Несколько старых московских кладбищ – Донское, Новодевичье, Ваганьковское – превратились в своеобразные исторические памятники – некрополи. Эти места хранили не только память об упокоившихся здесь людях, но и произведения выдающихся скульпторов, архитекторов и художников – авторов надгробий известных и знатных людей.

Хвостов перелистал несколько страниц, отыскивая данные о самых известных кладбищах Москвы – Новодевичьем и Ваганьковском.

К концу XIX века население Москвы так выросло, что на старых кладбищах перестало хватать места. В 1896 году игуменья Антония направила в Синодальное управление прошение об освящении земли для погребений за пределами Новодевичьего монастыря. В 1898 году земля была освящена, и начались работы по созданию и благоустройству нового кладбища площадью почти в три гектара, которое согласно проекту инженера-строителя Шестакова и архитектора Машкова устроили за южной стеной монастыря.

Официальное открытие нового некрополя на Новодевичьем состоялось в 1904 году. Захоронения по православному обряду продолжались здесь до 1918 года. С 1919 года территория стала подведомственна Хамовническому райсовету и получила официальное название «Новодевичье кладбище». В 1927 году по решению ВЦИК Новодевичье кладбище было «выделено для захоронения лиц с общественным положением» – так гласил директивный документ. С тех пор право покоиться на этом элитарном кладбище стало в советском обществе серьезной привилегией и одной из высших почестей. В 20-х годах прошлого века здесь были похоронены многие представители «коммунистической» элиты – Чичерин, Подвойский, брат Ленина Дмитрий Ульянов. В 30-е годы, в период уничтожения монастырских некрополей Москвы, из Симонова, Данилова и других монастырей были перенесены останки и памятники ряда выдающихся деятелей науки и культуры. Так, в 1931 году после закрытия Свято-Данилова монастыря и организации в нем приемника-распределителя НКВД на Новодевичье кладбище был перенесен прах Гоголя. Первоначально на его могиле стоял крест, лежали камень и массивная плита.

В 1949 году территория Новодевичьего некрополя была расширена на юг, и образовалось так называемое «новое кладбище», на котором располагался колумбарий, то есть место захоронения урн с прахом кремированных покойников.

В конце 1970-х годов с юго-западной стороны кладбища появился участок новейшей территории. В 2004 году общая площадь некрополя увеличилась до семи с половиной гектаров; ныне здесь похоронено более 26 тысяч покойников.

Новодевичий некрополь на протяжении всей истории складывался как своеобразный музей под открытым небом. Надгробия, выполненные скульпторами Андреевым, Вучетичем, Кербелем, Коненковым, Неизвестным, Мухиной, Цигалем, Шадром, давно и по праву признаны классикой советской мемориальной скульптуры.

Хвостов усмехнулся, вспомнив рассказ бывшего фарцовщика, который в свое время вместе с другими представителями этой «благородной» профессии обосновался около Новодевичьего кладбища.

Ныне мало кто помнит, что были такие люди, которые в семидесятых-восьмидесятых годах прошлого века снабжали население СССР модными джинсами, жевательной резинкой и дисками «Битлов», выменянных у заезжих иностранцев на советские дензнаки, а то и на русские иконы. Приятель Хвостова по имени Володя, в то время студент-первокурсник филфака пединститута, умнейший парень и большой любитель Чехова, был одним из самых удачливых среди них – он умудрился за несколько лет ни разу не попасться ментам, которые бдительно следили за тем, чтобы советский человек был одет не в «Леви Страусс», а исключительно в штаны производства фабрики «Красная мотня», а челюсти напрягал только при пережевывании пирожков с капустой, а не буржуазного «орбита без сахара». Но, как говорится, все когда-

то бывает впервые. И это «впервые» у Володи напрямую было связано с одним из знаменитейших покойников Новодевичьего кладбища.

Ситуация была стандартной. Володя убегал от мента, затаившегося между могилами. Мент отследил, как «советско-подданный» выторговывал у некого лысого иностранца блок жевательной резинки, и решил пресечь оное деяние в корне. Но если в предыдущие разы Володе удавалось оторваться от погони и смешаться с многочисленными посетителями Новодевичьего, то в этот раз Фортуна оказалась не на его стороне. Беглец обо что-то споткнулся, красиво пролетел по инерции метра два и приземлился у чьей-то могилы. Очумело помотав головой, Володя заметил наконец, где он совершил отнюдь не мягкую посадку.

– Ну, спасибо вам, Антон Павлович, – в сердцах сказал Володя, поднятый за воротник с могилы Чехова и доставленный в опорный пункт милиции...

* * *

...На Ваганьково Хвостов бывал раз в год на могиле деда, умершего вскоре после войны. Тогда кладбище еще не славилось как место захоронения выдающихся деятелей культуры России...

Возникшее в конце XVIII века кладбище, расположенное к западу от Пресненской заставы в Новых Ваганьках, стало одним из выдающихся памятников истории и культуры. Официальным годом его основания считается 1771-й, хотя из исторических источников известно о плитах более ранних захоронений, найденных на этом месте.

Сама местность Новые Ваганьки доподлинно известна лишь со второй половины XVIII века. По поводу происхождения ее названия есть несколько толкований: от слова «ваганиться», что по словарю Даля в вологодском наречии значило «забавлять, играть, шутить, баловаться»; от слова «вага» (весы) или от «ваганного» налога, взимавшегося за взвешивание товаров; от слова «ваганы» – так называли псарей, живших на Государевом Псаревом дворе. Исторически достоверно, что с 1446 г. возле Кремля в районе Пашкова дома находилось поселение ваганов – Старое Ваганьково (сохранившееся в названии современного Староваганьковского переулка), которое в XVII веке было переведено в район пресненских Трех гор, на отдаленную окраину города, и получило название Новое Ваганьково. По местности стало называться и кладбище – Ваганьково.

Первыми на Ваганьковском кладбище были захоронены тысячи безымянных москвичей, умерших от чумы в 1771 году. На протяжении последующих полутора веков на Ваганькове находили последний приют люди небогатые – крестьянского и мещанского сословий, мелкие чиновники, отставные военные и подобранные на улицах обитатели московских трущоб. Только в XIX веке здесь появились могилы людей, оставивших след в отечественной истории. В 1824 году на месте старой церкви был возведен храм Воскресения Словущего с северным приделом во имя Иоанна Милостивого, а в память о старой одноименной церкви сооружена ротонда. Немного позже вблизи нового храма появились могилы декабристов А. Ф. Фролова и П. С. Бобрищева-Пушкина, чуть дальше – могилы друзей А. С. Пушкина графа Ф. П. Толстого и композитора А. Н. Верстовского. Для перечисления же современных корифеев культуры и науки, нашедших здесь последний приют, не хватило бы огромного тома. Достаточно сказать, что только к могиле Владимира Высоцкого ежегодно совершают паломничество десятки тысяч людей.

«А ведь директора кладбища, который разрешил похоронить здесь Владимира Семеновича, тогда сняли...» – подумал Хвостов, вспоминая, как двадцать восемь лет назад еще молодым курсантом военного училища пришел поклониться могиле Барда и на завтра выслушал выговор от замполита – Высоцкий считался не тем певцом, которого полагалось слушать будущим офицером Советской армии, тем более разведчиком.

Просмотрев данные еще по десятку кладбищ, Хвостов зевнул и, выключив компьютер, отправился спать.

* * *

...В понедельник, когда Бондарев в сопровождении Хвостова появился в кабинете мэра столицы, тот был явно не в духе. Пробормотав: «Присаживайтесь», он с минуту молча перебирал на столе какие-то бумаги и только потом поднял глаза на спокойно сидевших за приставным столиком чиновников.

– Мы, насколько я помню, с вами встречались, Матвей Иванович, – сказал он. – Поэтому давайте обойдемся без представлений. На какой участок работы мы хотим вас поставить, вы знаете. Но вряд ли знаете, какой на этом участке бардак. Хотя, видимо, наслышаны, пресса об этом все уши прожужжала.

– Наслышан, – подтвердил Хвостов.

– Вы знаете, сколько в Москве кладбищ?

– Более шестидесяти.

– Шестидесят четыре, – уточнил мэр. – А сколько вокруг них народу кормится? Впрочем, вопрос риторический. Любителей сделать бизнес на костях у нас хватает. Причем в полном смысле слова. Вот только что из МИДа звонили. Приехал некий Джонсон из Канады, хотел могилу бабки найти, – мэр заглянул в блокнот. – Ивановой Татьяны Семеновны. Она у него на Кунцевском кладбище похоронена. И что вы думаете? На ее месте могила какого-то Джанкоева... Кто, спрашивается, давал разрешение на захоронение? Никто не давал. Вот вам, уважаемый Матвей Иванович, и придется разбираться во всем этом... Непосредственным начальником вашим будет Купцов Руслан Альфонсович, мой заместитель. Постарайтесь найти с ним общий язык, – мэр многозначительно посмотрел на Хвостова, и тому показалось, что он имел в виду совершенно противоположное.

* * *

21 мая Дорогин с Тамарой собрались поехать на могилу Кана Савинского – исполнилось 9 дней со дня его смерти. Звонок мобильного телефона оторвал директора сысского агентства от чашки крепкого кофе.

– Слушаю тебя, Вероника, – сказал он, взглянув на определившийся номер абонента. Это была вдова Кана.

– Сергей, – послышался в трубке потерянный голос молодой женщины, – мне из милиции позвонили, сказали, что могилу Кана кто-то разрушил... Взорвали вроде...

Дорогин скрипнул зубами, но взял себя в руки и спокойным голосом произнес:

– Понял, Вероника. Ты дома сейчас? Я за тобой заеду, – сыщик нажал кнопку отбоя и посмотрел на жену. – Тамара, тебе придется остаться, – сказал он. – Там что-то непонятное на кладбище. Поеду разбираться. Побудь дома, милая, мало ли что там...

Тамара только развела руками. В таких делах она с мужем никогда не спорила. Да и вообще, из всех представительниц прекрасного пола, когда-либо общавшихся с Дорогиным, по работе с ним имела право спорить только одна – Ольга. Именно в честь нее и было названо сысское агентство, руководимое Дорогиным.

...Сергея Дорогина, его жену Тамару и Ольгу Шевчук, дочь погибшего сотрудника Главного управления собственной безопасности МВД России, связывало очень многое. Несколько лет назад, зарабатывая деньги на операцию для Тамары, Дорогин взялся за опасное дело – под маркой съемок телешоу доставить в Челябинск заказчику коллекцию оружия, украденную у

одного московского профессора. По пути он подобрал девчонку, у которой только что погиб отец. Она хотела добраться на Урал, к своему дяде. По ее словам, тот был очень богатым и влиятельным человеком, способным защитить Ольгу, которая запомнила в лицо одного из убийц отца.

Бандит по кличке Мамонт, которому Сергей в свое время перешел дорогу, устроил за ним настоящую охоту. Ольгу тоже искали – и милиция, и те, кто организовал убийство майора Шевчука, и ее дядя, Лев Фортунатов, человек действительно с огромными возможностями. И тысяча восемьсот километров Транссибирской автомагистрали, которые отделяли Москву от Челябинска, превратились для них не в киношный, как предполагали авторы телешоу, а в самый настоящий боевик.

В то время Дорогин не был законопослушным гражданином России. Он отсидел четыре года в тюрьме по ложному обвинению, потерял жену и детей в автокатастрофе, подстроенной бандитами, которым жестоко отомстил. Тогда же он встретил Тамару, работавшую медсестрой в больнице подмосковного города Клин. Ее друг, талантливый доктор, спас Дорогину жизнь. Именно тогда Дорогин и получил кличку «Муму», вынужденный играть роль глухонемого. После гибели доктора ему достался его дом... и Тамара, которую Дорогин смог полюбить.

Через несколько лет у Тамары обнаружили злокачественную опухоль. Лечение за границей, в немецкой клинике, стоило бешеных денег. Тогда Дорогин занялся опасным бизнесом – перевозил на своей машине нелегальные грузы. Чаще всего это был криминальный товар – от фальшивых денег до экзотических змей, ввезенных в страну контрабандой. Впрочем, Дорогин никогда не интересовался содержимым грузов.

После окончания «челябинской эпопеи» Фортунатов оплатил операцию Тамары (кстати, она прошла успешно) и предложил Сергею возглавить в Москве фирму, которая сможет заниматься чем угодно, на усмотрение Дорогина. Тот понимал, что это – благодарность «крутого» Олиного родственника, и не усмотрел причин для отказа. Само собой, заниматься торговлей или ресторанным бизнесом бывший каскадер не хотел. После недолгих размышлений, посоветовавшись с друзьями, он внял предложению знакомого генерала в отставке Бодренкова, и решил организовать что-то вроде частного сыскного бюро, которое помогало бы состоятельным людям решать их проблемы. А проблем у состоятельных людей оказалось так много, что уже через несколько месяцев Дорогину пришлось значительно расширить штат, который вначале состоял из самого Дорогина, его заместителя Леонтьева и трех молодых оперативников. Этих ребят, только что закончивших службу в разведывательных подразделениях Министерства обороны, он тоже нашел по рекомендации знакомых.

Вскоре стало ясно, что парни не справятся с таким объемом работы, который внезапно навалился на недавно созданное агентство. Если бы дело пошло и дальше такими темпами, уже через год-два Дорогин вполне мог бы не только окупить контору, но даже вернуть вложенные Фортунатовым деньги. Количество оперативников выросло до десяти человек, а на помощь руководству агентства пришел уволившийся на пенсию старший следователь прокуратуры Москвы.

Едва ли не половина заказов касалась заурядного рэкета и шантажа. После того как Дорогин смог защитить нескольких бизнесменов от вымогателей, слава о его фирме понеслась по московским офисам. Несколько серьезных криминальных структур предложили агентству «крышу», но быстро отвяли, узнав, что Дорогин заручился поддержкой ГУСЕ Министерства внутренних дел. Действительно, коллеги покойного майора Шевчука, которые не знали о подпольной деятельности «курьера» Дорогина, приветили человека, оказавшего помощь в раскрытии убийства их сотрудника.

Дорогин завоевал репутацию независимого, самостоятельного и очень серьезного человека. Откуда-то даже просочилась информация, что за ним стоит не только ГУСЕ, но и сам Граф, человек известный и чрезвычайно влиятельный...

Сперва Сергей смеялся про себя, когда подводил итоги месяца и подсчитывал, в каком огромном количестве переступают его кабинет потенциальные рогоносцы, заказывающие слежку за своими женами (мужьями), которых подозревают в адольтере. Чаше всего для добычи доказательств неверности (либо, что бывало реже, верности) супругов хватало нескольких дней. Но несколько раз сотрудники Дорогина были вынуждены вылетать на Кипр, в места отдыха «новых русских», а однажды, в начале декабря, клиент оплатил даже «следственные действия» в течение недели на Канарских островах. Дорогин усмехнулся и решил устроить себе с Тамарой небольшие «рабочие каникулы».

С Каном Савинским Дорогин познакомился больше года назад, во время поисков химика Рэма Харбарова, который, как оказалось, был связан с вьетнамской мафией. Они стали друзьями. Хотя Дорогин предупреждал Савинского, что его методы борьбы с наркомафией абсолютно бесперспективны, но Кан не хотел ничего слушать, продолжая отправлять на тот свет мелких и крупных наркодилеров. Впрочем, их меньше не становилось, и вот теперь они добрались до самого Кана...

– Когда это произошло? – спросил Дорогин у представителя администрации Троекуровского кладбища, стоявшего рядом с ним и наблюдавшего за тем, как криминалисты изучали место взрыва.

– Утром, – ответил тот. – Слава богу, никого поблизости не было.

Видимо, в могилу заложили фугас – вокруг воронки глубиной в метр на большом расстоянии были разбросаны венки, от могильного холмика ничего не осталось, соседние памятники покосились от взрывной волны. Вдова Кана Вероника, одетая в черные джинсы и такой же свитер, присела на скамейку у ближайшей могилы – ноги ее не держали. Дорогин предполагал, что про деятельность организации «Тхе Хук» она знала только то, что ее члены помогают жертвам наркотиков и их семьям. Про то, что ее муж уже несколько лет наводил ужас на распространителей героина, ЛСД, марихуаны и кокаина, она если и догадывалась, то Дорогин об этом не знал.

– Чем же этот профессор так кому-то насолил, что его даже мертвого в покое не оставляют? – задумчиво произнес подошедший милицейский капитан. – Неужели двойку на экзамене кому-то поставил?

– Именно так, – ответил Дорогин. – Он экзамены всегда очень строго принимал. Вплоть до высшей меры...

Глава 3

Для того чтобы представить заместителю московского мэра Купцову предложения о совершенствовании работы ритуальных служб города, Матвей Хвостов выбрал не совсем удачный день. Впрочем, выбрал не он – сам Купцов назначил ему аудиенцию во вторник, 1 апреля.

...И после того как Хвостов изложил ему свою концепцию, озадаченно произнес:

– Матвей Иванович, я понимаю, что сегодня первое апреля, день юмора... Но не до такой же степени!..

Целый месяц новый «кладбищенский директор» вникал в тонкости своей новой работы. Заведовать огромным погребальным хозяйством столицы оказалось намного сложнее, чем показалось вначале. Судя по всему, предшественник, занимавший эту должность до него, считал ее синекурой и делами почти не занимался, скинув всю текучку на заместителя. Через неделю Хвостов понял, что этому заместителю самое место в Бутырках, о чем он не преминул заявить чиновнику с глаза на глаз. Заместитель обиделся и подал заявление об уходе, которое Хвостов тут же и подписал. Раздувать дело о злоупотреблениях в первые же дни на новом месте он посчитал преждевременным.

Хвостова вообще считали человеком хотя и излишне прямолинейным, но осторожным. Как сочетались в нем эти два несопоставимых качества, можно было только удивляться. Многим казалось, что Матвей прет по жизни, как танк. Но только это был очень своеобразный танк.

То, что он «слишком правильный», Матвей впервые услышал в десять лет, когда в четвертом классе учительница математики поставила двойку его однокласснику только за то, что тот шушукался с соседом по парте. «Оценки ведь за знания ставятся, правда? А вы его даже не спросили! – произнес он, поднявшись. – Разве это правильно?» Учительница вытаращила глаза: «Это кто там такой правильный? Хвостов?! Ну-ка, давай поучи меня принципиальности... Только завтра и в присутствии отца!» О чем в дневнике немедленно была сделана запись, после прочтения которой большинство отцов принялось бы вытаскивать из брюк ремень.

Но не таков был Иван Матвеевич Хвостов, по профессии летчик-испытатель, недавно получивший орден Красной Звезды за то, что с риском для жизни увел загоревшийся самолет от города и направил его в озеро, катапультировавшись буквально в последнюю секунду. Впрочем, никто в школе, где учился Матвей, в том числе и учителя, об этом не знал – хвастаться чужими подвигами мальчишка не собирался, хотя очень гордился отцом. А подполковник Хвостов, прочитав запись в дневнике сына, велел пацану рассказать все в подробностях, хмыкнул и, явившись к математичке, прочитал ей короткую, но весьма выразительную лекцию на предмет «правильности и принципиальности». После этой лекции Матвею оставалось только учиться, не жалея сил, – учителя, как, впрочем, и люди других профессий, «шибко принципиальных» не любят. Так что школу Хвостов младший закончил с золотой медалью.

В том же году его отец погиб, испытывая новый самолет, и мечта Матвея о поступлении в летное училище разбилась о слезы матери, которая чуть ли не на коленях умоляла его избрать другую профессию. И он подал документы в Рязанское училище ВДВ. Тут уж мать переубедить его не смогла.

Во второй половине семидесятых годов прошлого века лучших выпускников Рязанского училища ждала незавидная перспектива попасть в Афганистан командирами взводов Ограниченного контингента. Не избежал этой участи и Хвостов. И если во время Великой Отечественной новоиспеченных лейтенантов до ранения или гибели ожидало буквально несколько дней боев, то лейтенант Хвостов в Афгане воевал до конца, дослужившись до звания майора отдела спецопераций ГРУ. И воевал так, что до рокового дня вывода войск заслужил орден Красного Знамени и два ордена Красной Звезды. А в последний день, уже сидя на броне БМД,

стоявшего в боевом охранении колонны, направлявшейся на мост через Амударью, получил в спину пулю афганского снайпера, прошедшую в миллиметре от позвоночника.

Инвалидом он не стал. Но медицинская комиссия вынесла суровый приговор: «ограниченно годен». То есть во время войны Хвостову предстояло служить не в разведке, а в подразделениях, обслуживающих боевые части, а в мирное время надлежало привыкать к гражданской жизни, несмотря на его ордена и славу. И Хвостов подал рапорт об отставке.

Нужно было чем-то заниматься – пенсия была крохотная, СССР стремительно катился к развалу, а десанту и разведке нужны были здоровые офицеры. Все, что Хвостов умел, – это воевать. Правда, воевать хорошо, да и служба в разведке воюющей группировки многому научила. В том числе не теряться в самых непростых ситуациях. Хвостов не растерялся и вместе с несколькими отставными воинами-афганцами принялся организовывать кооператив по торговле оргтехникой.

Но едва удалось построить стены и настелить пол кооперативного «здания», появились желающие послужить «крышей». Хвостову и его товарищам популярно объяснили, что их десантная закалка всем «до фени», и в доказательство взорвали у входа в офис старый «запорожец». Так низко оценили способности к сопротивлению «афганцев» бандюги из местной «районной» мафиозной группировки. Хвостов вызов принял, и уже через неделю взвод бывших десантников размазал незадачливых рэкетиров по стенкам. Но это был только первый сигнал...

Около года кооператив, вскоре ставший фирмой «Перевал», работал спокойно. Пошли неплохие доходы, Хвостов вложил деньги в страховой бизнес, но тут страна, за которую он когда-то боролся, распалась, и наступил такой беспредел, что даже бывший офицер разведки растерялся.

На волнах хаоса хрупкий кораблик фирмы «Перевал» не выдержал напряжения и треснул. В один далеко не прекрасный день Хвостов узнал, что его партнеры за спиной директора решили связаться с весьма влиятельной группировкой, за лидерами которой числилось много подозрительных криминальных дел. Бывший разведчик понимал, что начинается большая игра, ставка в которой – сама жизнь. И он решил отойти от бизнеса, тем более что старые приятели предложили ему неплохую должность в одной из столичных префектур. Он проработал в этой должности около пятнадцати лет. Пока не получил новое предложение.

...После того как заместитель мэра Купцов заслушал доклад нового «кладбищенского директора» об улучшении работы подведомственных кладбищ, он с минуту не мог прийти в себя. Проект не оставлял камня на камне от сложившейся системы ритуального обслуживания населения. Чего только стоило предложение поручить обслуживание муниципальных кладбищ солдатам альтернативной службы, подчинив этих «вояк» не кому-нибудь, а городской комендатуре!

Купцов пристально взглянул на «кладбищенского директора», как он уже успел прозвать Хвостова, и произнес:

– Матвей Иванович, а куда мы с вашего позволения денем тех, кто уже работает на кладбищах? Уволим? А за что?

– Большую часть я бы прямо сейчас выгнал без выходного пособия, – упрямо заявил Хвостов. – Там же одна «братва» отставная! Если посчитать, сколько на кладбищах «двойных» захоронений... Имею в виду, когда в могилу какой-нибудь бабки подкладывают криминальный труп.

– Детективы я тоже читаю, – прервал его заместитель мэра. – Невысокого же вы мнения о своем коллективе...

– Ну да, в разведку я с таким контингентом не пошел бы.

Купцов вспомнил, что его собеседник как раз служил в той самой разведке, и промолчал, прекрасно зная, кто на самом деле подвизается в роли кладбищенских рабочих, сторожей и прочей околomoгильной братии.

– Уважаемый Матвей Иванович, – стараясь оставаться спокойным, произнес Купцов. – Согласитесь, что в деле ритуальных услуг вы не специалист, так что послушайте человека, который на этом деле собаку съел. А для начала классический анекдот вам расскажу. На кладбище во время похорон бригадир гробовщиков видит, что у покойника из нагрудного кармана пиджака торчит 50-долларовая купюра. Он тут же просит одного из своей бригады под любым предлогом оттеснить людей от гроба. Когда это было сделано и он потянулся к купюре, покойник вдруг хватает его за руку и кричит: «Налоговая полиция! Контрольное захоронение!» – «У тебя своя работа, а у меня своя, – ответил ему бригадир и забил в крышку гроба гвозди». Мораль понятна? Если непонятна, поясню: на кладбище свои законы. Так было, так есть и так будет. Даже я очень аккуратно подхожу к этим вопросам, которые вы так вот с маху пытаетесь решить. Ну где это видано – солдаты-альтернативщики покойников хоронят? Да пусть лучше, как во всем мире, дерьмо из-под лежащих больных выносят, толку больше будет.

Хвостов хмыкнул.

– Руслан Альфонсович, у анекдота вашего длинная и седая борода. Судя же по вашим словам, вы вообще считаете, что в системе ритуальных услуг ничего не надо менять...

– Ну почему же, – кисло произнес Купцов. – Порядок надо, конечно, навести. Хотя я бы не сказал, что на кладбищах, да и вообще в ритуальных услугах такой уж бардак. Скорее отдельные недоработки.

– Значит, это из-за «отдельных недоработок» на имя мэра приходят пачки жалоб? – прищурился бывший разведчик. – И это только то, что до него доходит...

– Вы на что намекаете? – медленно сказал Купцов. – На то, что я жалобы москвичей в стол прячу?

– Ну что вы, Руслан Альфонсович, – улыбнулся Хвостов, начинавший понимать, что с заместителем мэра общего языка ему не найти. Впрочем, он к этому был готов, проанализировав сведения, предоставленные Бондаревым и имевшиеся у него самого. – На эти жалобы никакого стола не хватит. Что ж, я правильно понял, что вы с моими предложениями по улучшению работы системы ритуальных услуг не согласны?

Купцов покачал головой.

– Поработайте еще, уважаемый Матвей Иванович. Вникните в суть поглубже, теснее с людьми познакомьтесь... Что за месяц можно понять? Да ничего! Через полгода приходите, тогда и поговорим. А пока, как говорится, устраняйте недоделки, о которых наши граждане пишут. Тут вам и карты в руки.

«Хвостов, Хвостов, – думал заместитель мэра, пожимая протянутую руку и прощая взглядом «кладбищенского директора», которого уже готов был переименовать в «кладбищенского сторожа», – послал тебя черт... И где только мэр такого «рыцаря без страха и упрека» раскопал? Не иначе, Бондарев присоветовал... Ну ладно, на то и шука, чтобы карась не дремал. Хуже было бы, если б он какого-нибудь умника прислал, чтобы тот тихой сапой под меня подкопался. А так легче. Будем готовиться к войне».

Купцов взял со стола трубку мобильного телефона и набрал номер.

* * *

Генеральный директор страховой компании «Щит» Даниил Матвеевич Хвостов больше всего на свете не любил просыпаться ни свет ни заря. Он был типичной «совой», то есть пик работоспособности у него, как у Иосифа Сталина, приходился где-то на час ночи, когда большинство добропорядочных людей спят в своих постелях. Днем он часто бывал вялым и затор-

моженным, что, впрочем, не влияло на его бизнес: в кругах страховых деятелей Москвы Хвостов-младший слыл человеком с железной хваткой и, несмотря на относительную молодость (ему исполнилось тридцать), сумел прочно утвердиться в своей нише, сперва завоеванной для него отцом.

– Даниил? Это я, – раздался в трубке голос человека, которому Хвостов-младший был многим обязан. – У меня тут папаша твой был. Он что, всегда такой... бескомпромиссный?

Последнее слово Купцов произнес с иронией.

– Отец всегда был прямой, как штык от трехлинейной винтовки, – спокойно сказал Даниил. – А что он от вас хотел? Уж не кладбищенские ли проблемы вы с ним обсуждали?

– Именно, – подтвердил заместитель мэра. – Папаша твой на того сантехника похож, из анекдота...

– Какого анекдота? – поморщился Хвостов-младший, который терпеть не мог манеру Купцова рассказывать анекдоты по поводу и без повода.

– Посадили в 37-м году сантехника. Спрашивают его: за что? Он и отвечает, мол, пригласили в Кремль водопровод посмотреть, а он и заявил: «Тут всю систему менять надо...» Так вот твой родитель у нас всю кладбищенскую систему перестраивать собрался. Ни больше ни меньше.

– Он такой, – подтвердил сын. – Но я на него влиять не могу, вы же понимаете.

– Понимать-то понимаю, но... Короче, Даня, ежели что он будет против меня, грешного, затевать, то ты мне шепни по старой дружбе, а? – Купцов издал неприятный смешок.

– Да что вы, Руслан Альфонсович, я же его вижу раз в месяц, не чаще, – попытался отмахнуться Даниил. – Я о его делах ничего не знаю. Впрочем, как и он о моих. Хотя контору-то мою он организовал...

– Данечка, милый, – в голосе Купцова зазвучал металл, – видеться ты с ним будешь гораздо чаще, и в дела его носик совать будешь. Иначе без носика останешься. Понял?!!

– Понял, – вздохнул Хвостов-младший, скрипнул зубами и, услышав гудки отбоя, положил трубку.

* * *

Взрыв на Троекуровском кладбище большого общественного резонанса не получил – жертв не было, никто не пострадал, и случай, который в ином деле непременно окрестили бы «терактом», прошел по сводкам как «злостное хулиганство». Во всяком случае, в прокуратуре дело по факту взрыва на могиле профессора Савинского завели именно по этой статье; впрочем, вскоре его объединили с другим – по факту убийства этого же известного ученого.

Через три дня после взрыва Дорогин отправился на кладбище, решив проконтролировать, как восстанавливают могилу Кана. Он не удивился бы, увидев, что там до сих пор не сделано ничего, но, вопреки его мрачным предчувствиям, могила Савинского и соседние захоронения были приведены в порядок. Сергей постоял около холмика, поправил венки и двинулся к выходу. Но вдруг остановился, увидев среди памятников знакомую фигуру.

– Савелий? – удивленно произнес он, узнав старого знакомого, кандидата социологических наук Савелия Неделина по кличке Сава. Сава добровольно стал бомжем и несколько раз помог Дорогину в раскрытии преступлений.

– Никак Дорогин! – прищурился бомж, одетый в потертые джинсы с бахромой и майку с портретом Че Гевары. – И я даже знаю, по какому поводу ты сюда прибыл...

Несколько лет назад, во время поисков пропавшего инженера-химика Рэма Харбарова Дорогин услышал историю Савелия.

– Мне тогда едва стукнул тридцатник, – говорил бомж, разливая водку по стаканам. – Времена были дурные-дурные, беспредел полный, делили все, что не поделено... Ну, да ты

сам помнишь. А тему диссертации я выбрал совсем необычную... «Маргинальные элементы в период первоначального накопления капитала» – во! То есть про бомжей писал, таких, как я теперь. Почему человек бомжем становится, где корни проблемы, короче, полная социологическая картина явления. У меня диссертация была почти готова. Не хватало только личных впечатлений, чтобы хоть немного жизнью запахло. Неделю я тусовался среди бомжей. И к концу понял, что это самые свободные люди в мире! Они ни от кого не зависят, и от них никто не зависит. Понравилось мне. Видно, на роду написано бродяжить... Доделал я диссертацию... А через неделю прихожу домой раньше срока... В общем, классика. Желушка моя в постели с другим кувырается. Меня к тому времени такая ностальгия охватила по той неделе, которую я среди бомжей провел, аж жуть! Эксперимент был чистым – у меня с собой ни копейки денег не было. Так оказалось, что бомж на пропитание всегда себе найдет, если вконец не опустился! И что дальше? А дальше я, простите, достал член из штанов и эту сладкую парочку с таким удовольствием мочой окропил, что аж приятно стало. У бабы моей от испуга спазм в причинном месте произошел, дергаются, а расцепиться не могут, ну прямо как собаки после случки. Поссал я на них, штаны застегнул, повернулся и пошел себе...

Вот так и ходил по миру кандидат наук Савелий Трофимович Неделин (диссертацию он все-таки умудрился защитить), пока не встретил желушку по имени Анжела, которая слегка тронулась умом после того, как случайно увидела фотографию своего отца, майора Вячеслава Иевлева, с отрезанной чеченскими боевиками головой. С момента этой встречи они стали неразлучны. И сейчас маленькая Анжела тихонько стояла рядом, глядя на Дорогина огромными печальными глазами.

– Привет, Сава, – протянул Сергей руку бомжу, который, ответив на приветствие, указал на лавочку около одной из могил. – Рад тебя видеть. Ты-то за каким делом тут?

– К приятелю зашли в гости, сторожу местному. Зенон его зовут.

Дорогин насторожился.

– Сведешь меня с ним?

– Отчего не свести. Люди свои. Через магазин, понятно... Только учти, он не любит, когда кто-то при нем не пьет. Ты же за рулем, так?

– За рулем-то за рулем... Подожди, сейчас кого-нибудь из агентства вызову, – сказал Дорогин и достал мобильный телефон. – Заодно и привезут все, что нужно.

Через полчаса двое сотрудников сыскаго агентства «Ольга» прибыли в распоряжение шефа. Один из них тут же уехал, а второй, молодой парень, только что принятый на работу, протянул Дорогину сумку, в которой что-то приятно позвякивало, и, получив приказ ждать, уселся в дорогинскую «шкоду».

В небольшом здании администрации кладбища Савелий познакомил Дорогина с жилистым мужичком лет пятидесяти.

– Это Зенон. А это Сергей. Давай, Серега, расставляй. Как в той рекламе говорили, «время пить “херши”».

Зенон довольно потер ладони.

– Вот, нежданно-негаданно... А ты кто ж такой, Сергей, будешь? Али хоронишь кого?

– Друга недавно похоронил, – коротко ответил Дорогин.

– Это его могилу третьего дня взорвали, – уточнил Сава, разливая водку.

Анжела в это время нарезала копченую колбасу.

– Вот оно что, – медленно протянул Зенон. – Такого у нас на кладбище в жизни не было, чтобы могилы взрывали... – Кладбищенский сторож вопросительно посмотрел на Саву и, видимо получив от него незаметный знак, означавший, что Дорогину можно доверять, продолжил: – Давайте выпьем за упокой души...

Минуту спустя Зенон, не дожидаясь вопросов, – видимо, рекомендация Савелия в дополнительной проверке не нуждалась – щелкнул зажигалкой, выпустил изо рта струйку дыма и произнес:

– Ты, видать, очень хочешь узнать, кто покой твоего кореша потревожил... А то и побольше – кто его на вечный покой раньше срока осудил. Так?

– Так, – ответил Дорогин, тоже закуривая сигарету. – Отличный мужик был Кан Савинский.

– Ну, тут я тебе мало чем помогу. Менты меня, как и всех, расспрашивали, но я им ничего не сказал. Если у нас кто-то рот шире, чем надо, откроет – кирдык, рой могилу. Если б не Сава... Короче, цыгане это.

– Какие цыгане? – не понял Дорогин. – Что, цыгане могилу взорвали?

– Они, родимые, – кивнул Зенон. – Кое-кто их видел, но, сам понимаешь, горло под нож подставлять... Профессор-то твой, видать, с наркомафией был связан и чем-то кому-то не угодил. Вот ему даже на том свете покоя не дают.

Дорогин грустно покачал головой.

– Все так, да не все так. Скорее наоборот. Ну, а подробности? Что за цыгане? Как на них выйти?

Зенон усмехнулся.

– Я тебе что, справочное бюро? Не знаю я, как на них выйти. Только одно скажу: барона их кличут Герасим. Живет где-то под Москвой. Занимается наркотиками. Слух был, что его младшего братца кто-то убил этой зимой. Старший и начал землю рыть... Ну, не профессор же этот цыгана порешил?

Вопрос был риторическим, и Дорогин отвечать на него не стал. Сказал только:

– Кан больше всего на свете ненавидел наркотики. От них его первая жена умерла. Так вот... Больше ничего не скажешь? – обратился он к Зенону.

– Ничего. Говорю ж тебе, я не справочное бюро.

– И на том спасибо, – сказал Сергей, поднимая стакан с водкой. – Только просьба есть.

– Выпьем, потом изложишь свою просьбу...

Прожевав кусок колбасы, Савелий поднялся и вышел из комнаты. Вернулся через несколько минут и сказал:

– То ли мне показалось, то ли нет, но вроде под окошком стоял кто-то.

– Ну и что? – равнодушно пожал плечами Зенон. – Там ничего не слышно. Это давно проверено. Так о чем ты хотел попросить? – спросил он у Дорогина.

– Присмотрел бы ты за могилкой, – сказал Сергей. – Я в долгу не останусь.

– Это понятно, что не останешься, – посмотрел на него кладбищенский рабочий. – Только я же тут круглые сутки сидеть не могу...

– А ты и не сиди. Просто приглядывайся, прислушивайся и, если что интересное почувешь, позвони мне на мобилу или по городскому, – Дорогин протянул Зенону визитку.

– Ого! – отреагировал тот, прочитав должность Сергея. – Слышал я про это агентство, даже в газетах писали... Ты там вроде каких-то украденных детишек нашел?

– Было дело... И не только детишек. Я много кого нашел. Вот теперь убийцу Кана найти хочу. И найду, если сможешь, – с нажимом сказал Дорогин.

– Помогу, чего ж не помочь... Тем более что это к нашим кладбищенским делам прямого отношения не имеет. А то недавно новый начальник над всеми кладбищами явился, некий Хвостов. Говорят, гайки закручивать собирается. Так что нам теперь тихо сидеть надобно.

– А то вы «громко» сидите, – хмыкнул Сава. – Покойнички-то, поди, на обхождение не жалуются.

– Покойнички не жалуются, а вот живые малявы одну за другой пишат. Приезжали недавно какие-то хмыри, то ли из Америки, то ли из Израиля, деда своего искали... Кана-то

твоего тоже не на «пустом» месте похоронили. Правда, той могиле уже лет сто было. Бригадир решил не «свежее» место использовать, где разрешено было хоронить, а старую могилу снести.

Зенон опрокинул в рот очередную порцию водки, закусил, помолчал с минуту.

– Ну, так что? Нашли деда? – поторопил его Сава.

– Не нашли деда, – в тон ему ответил Зенон. – Ушел старичок.

– Это как? – не понял Дорогин.

– Да вот так. Ушел и все. Ни могилки, ни памятника. На ее месте какой-то мужик похоронен. А могилке-то всего лет пятнадцать было. Родственники скандал подняли – хоть святых выноси. До Лужкова, говорят, дошло...

– Так что, на кладбище места мало, что ли? – удивился Дорогин. – Зачем было чужую могилу разорять? И с Каном тоже...

– А-а, – махнул рукой Зенон. – Дурное дело. Там рядом тетка была похоронена, мать какого-то бизнесмена или бандита, я уж не знаю. Так, когда у него отец умер, тот заплатил кому надо, чтобы батюку рядом с матерью похоронили. Родственники старика-то все равно за границей, здесь у него никого не осталось. За могилкой никто и не присматривал, видно было. Вот и решили вместо одного деда другого похоронить. А насчет Кана – так просто решили место сэкономить.

– И что, это в порядке вещей? – изумился Дорогин, которому до сих пор не приходилось заниматься «кладбищенскими разборками».

– У нас тут многое в порядке вещей, – туманно ответил Зенон. – Когда люди денег не жалеют? В трех случаях: когда детей рожают, когда их женят и когда родственников хоронят. Чаще всего в последнем случае. Если, как говорят, гибэдэдэшники на асфальте деньги находят, то мы – под землей. И неплохие деньги, кстати...

...Уже под вечер Сергей вновь подошел к могиле Кана. Ничто не напоминало о том, что еще три дня назад на ее месте была воронка от фугаса, потревожившего последнее пристанище непоколебимого борца с наркомафией. Теперь у Дорогина появилась едва наметившаяся, но вполне осязаемая нить, которая должна была привести к убийцам его друга.

Глава 4

Сказать, что Даниил Матвеевич Хвостов не любил свой страховой бизнес, значило бы погрешить против истины. Он его от всего сердца ненавидел. И все-таки занимался им треть своей тридцатилетней жизни, при этом достигнув немалых финансовых успехов. Правда, компанию фактически подарил ему отец, который в период своего процветания в качестве бизнесмена перекупил дело у какого-то неудачника, преобразовал компанию в открытое акционерное общество, назначил туда надежного управляющего, а потом, когда Даниил вошел в возраст, передал ему бразды правления и больше на страховую компанию под претенциозным названием «ОАО «Щит»» внимания не обращал.

Своих сотрудников Даниил вымуштровал до такой степени, что они вполне могли организовать добровольно-принудительную страховку взвода пожарных или милиционеров от падения летающих тарелок и укусов птеродактилей с годовым взносом в размере месячного оклада. Да и на работу он брал людей не с улицы...

...Даниил вышел на балкон. Вдохнул в себя воздух. Понял, что полнолуние в очередной раз сыграло с ним злую шутку.

Гроза явилась с запада. Дышалось тяжело. Гром пришел потом, а пока небо задергивалось темно-фиолетовой вуалью, словно окно выцветшими шторами. Булгаков со своим великим творением отдыхали. А тот, кто с юности знал наизусть тексты Михаила Афанасьевича, умирал от желания выпить водки. Все пути вели в Небеса по дороге, открытой тем, кому подарен был счастливый билет... Такого счастливого билета Даниилу Хвостову не выпало.

После разговора с Купцовым, который состоялся в прошлом месяце, ему стало так же плохо, как было двенадцать лет назад, когда его пригласила в гости смазливая цыганка, напоила и хотела оставить ночевать, но...

Но появился отец, приятель которого случайно увидел сына в обществе цыганки, и решил все вопросы за него.

Все вопросы, кроме одного. Главного вопроса. Но сформулировать этот вопрос он не мог до сих пор.

И жил с надеждой, что этот вопрос не решится никогда.

Юного Даниила отец смог спасти от перспективы стать цыганским наркодилером, но от соблазна вершить человеческие судьбы и зарабатывать на этом шальные деньги отец спасти его не сумел. Сам того не желая, отец подтолкнул к этому, всучив заклтому гуманитарии, знатоку и любителю японской литературы, Булгакова и Вознесенского, страховую фирму.

С возрастом Даниил утвердился во мнении, что судьбы тех, кого он помогал отправить на тот свет раньше срока, не стоят и ломаного гроша. По какой-то причине, смысл которой мог определить разве что Зигмунд Фрейд, Даниил с детства ненавидел стариков и старух, считая, что они только копят небо, не давая возможности своим потомкам занять надлежащее место под звездами. Впрочем, более рационального объяснения своей ненависти он дать не мог. Его предки жить ему не мешали, за редким, но весьма болезненным для него исключением.

Купцов, которому как-то по большой пьяни Даниил признался в своей патологии – идиосинкразии на стариков, хохотнул и, как всегда, рассказал анекдот.

...Жил-был мужик. И все у него было не так. Постоянно одолевали его всякие напасти. Наконец доконали его несчастья. И взобрался он на высокую гору, и обратился к Господу. «Господи! – взмолился мужик. – Ну за что Ты на меня прогневался?! Был у меня дом, но он сгорел; была у меня жена, но ушла к другому; были у меня друзья, но они отвернулись от меня; я пытался умереть, но смерть не идет ко мне... За что мне это? Господи!» И разверзлись небеса, и глас трубный ответил ему: «Ну не люблю я тебя! Не люб-лю-ю!..»

– Вот так и ты стариков не любишь, – подвел итог заместитель мэра столицы. – Правда, ты не Бог... Что само по себе не является отрицательным фактом твоей биографии. Иначе и я до старости не дожил бы.

Для Купцова не являлось секретом то, каким образом Даниил зарабатывает огромные даже по западным меркам деньги. Мало того, пять лет назад он сам предложил ему схему, позволяющую класть в карманы весьма круглые суммы. Схему эту, впрочем, придумал не он сам – во всем мире недобросовестные страховые деятели зарабатывали таким образом уже много лет, обманывая тех, кто вкладывал в этот бизнес свои капиталы. Схема была несложной, но требовала хорошей психологической подготовки и обширных связей.

Представьте себе, например, такую ситуацию. Где-то на окраине Москвы в однокомнатной «хрущевке» помирает полунеший старик. Его наследники ждут не дождутся, чтобы проводить старика в последний путь, – квартира-то денег стоит. И тут к ним является серьезная женщина в деловом костюме и предлагает... застраховать парализованного деда на весьма приличную сумму! У родственников, само собой, глаза на лоб лезут: что это за страховая компания такая, себе в убыток работает, что ли? Но женщина поясняет, что после смерти деда страховая сумма будет разделена на две части. Одну из них, правда меньшую, получают родственники, вторую – понятно кто. И все останутся довольными. Кроме акционеров, которые вместо прибыли получают кукиш с маслом.

* * *

...Даниил вернулся в комнату, открыл бар и достал штоф шотландского виски. Поболтал им перед носом, хмыкнул, поставил назад, отправился на кухню и достал из холодильника запотевшую бутылку водки. Налил в хрустальный стакан, выпил. Водка была настолько холодной, что он даже не почувствовал вкуса. Поморщился, зачерпнул ложкой несколько маслин из банки, сплюнул косточки. Снова вышел на балкон, отворил настежь дверь балконной рамы и полной грудью вдохнул воздух, замерший в ожидании первой майской грозы.

На глаза Даниилу попался сидевший на тумбочке в углу плюшевый медвежонок – его забыла шестилетняя Катя, когда была у отца в прошлое воскресенье. Алла, хоть и ушла от него, привозила дочь регулярно, и не понадобились для этого никакие судебные иски. Умная Аллочка прекрасно знала, сколько стоит бывший супруг. Только вот почему-то не подумала об этом, когда подала на развод, застав мужа в обществе молоденькой дурочки, только что принятой им на работу в качестве секретарши. Ну, подумаешь, согрешил... Кто не грешен? А вот гляди ж, разбираться не стала, простить не смогла. Может, и жалеет, да поздно. Дочку Даниил любил, а вот к Алле охладел окончательно. И хрен с ней! Правда, обидно, что с дедом Катя проводит время гораздо охотнее. Единственная внучка всегда была любимицей деда и покойной бабки.

Хвостов закурил, постоял, опершись о перила балкона, глядя на Кутузовский проспект, по которому проносились редкие в этот вечерний час машины. Взглянул на часы – должна была позвонить сотрудница, «нарывшая» очередного перспективного клиента, который, как водится, был при смерти.

Около одиннадцати вечера мобильник Хвостова заиграл «Танец с саблями» Хачатуряна.

– Слушаю вас, Елена Михайловна, – сказал Хвостов, взглянув на дисплей телефона.

– Даниил Матвеевич, клиенты созрели. Готовьтесь к переговорам.

Хвостов поморщился.

– Они что, настаивают на встрече со мной?

– Именно. Это не лохи, с которыми мы обычно имеем дело. Люди серьезные... Были когда-то, во всяком случае, – поправила сотрудница. – Дед – генерал в отставке, помер два

года назад, бабка осталась... Которую они застраховать решили. Зять их тоже военный, жена померла не так давно, а внук... Бизнесмен, скажем так.

– И что с бабкой?

– Полный овощ. Как муж помер, так она из кресла не встает. Не узнает никого. Правда, организм, кроме мозгов, здоровей нашего с вами.

– То есть ты имеешь в виду, что она может годами находиться в таком состоянии? Нам это не подходит.

– Я понимаю, Даниил Матвеевич. Только вот родственники намекнули, что деньги им нужны срочно. Готовы на все... Я так поняла, что бабкин внучек влетел на бабки.

– Фи, Елена Михайловна, что за жаргон? – поморщился Даниил. – А еще учительница русской литературы... Хотя каламбур в данном случае уместен.

– Насчет жаргона. С кем поведешься, от того и наберешься, – парировала Зотова. – А насчет каламбуров – так на кой черт бабки, если не стричь с них бабки?

Елена Михайловна Зотова была похожа на своего шефа в одном: она патологически ненавидела стариков. Но если у Хвостова это было необъяснимо, то в ее случае ненависть базировалась на конкретной основе. Родители ее мужа, рано умершего Кирилла Венедиктовича Зотова, подававшего большие надежды ученого-физика, превратили ее молодые годы в сущий кошмар. А потом на всю Москву разрезвонили о том, что их любимое чадо уморила его проклятая женушка – ни больше ни меньше. Дело в том, что Кирилл был у них поздним ребенком, появившимся тогда, когда они уже и надежду потеряли обрести наследника. Как известно, над такими детьми трясутся так, словно они сотканы из солнечных лучей. Елену же они считали страшной грозовой тучей на горизонте их сына. И относились соответственно.

Скорее всего, они вели бы себя так и по отношению к любой другой девушке, избраннице их сына, но Елена обладала непростым характером и за словом в карман никогда не лезла, заслужив среди школьников прозвище Кобра.

Кирилл, который всегда защищал ее, сгорел за несколько месяцев от поздно обнаруженного рака желудка, пустившего метастазы во все жизненно важные органы. Операция помочь не могла. Проводив Кирилла в последний путь, Елена вынуждена была жить под одной крышей со стариками, в их огромной профессорской квартире. Своего жилья уроженка Тамбова не имела...

После очередного скандала, произошедшего утром, Елена Михайловна пришла на уроки, что называется, на взводе и так стукнула по голове расшалившегося ученика хрестоматией по русской литературе, что у того пошла носом кровь. Из школы пришлось уйти с «волчьим билетом», и только через месяц бывшему педагогу помогли устроиться в страховую компанию простым агентом. Вот тут-то она и проявила свои таланты. С полгода присматривавшийся к ней Хвостов понял, что Зотова – незаменимый сотрудник, способный раскрутить на страховку даже телеграфный столб, и стал потихоньку вводить ее в курс дела. Он не удивился, когда встретил с ее стороны полное понимание; через год в страховой компании «Щит» Зотова стала правой рукой Даниила Хвостова.

* * *

– Вам изложили условия? – спросил Хвостов невысокого полного лысоватого мужчину, сидевшего напротив него в офисе страховой компании «Щит».

Мужчина согласно кивнул.

– Я согласен. Елена Михайловна все подробно объяснила. Только... время не терпит.

– Проблемы?

– К сожалению. Можно ли... ускорить процесс? Моя почти покойная теща...

Даниил поднял голову и в упор посмотрел на клиента.

- Можно-то можно... Вы хотите убрать из последней фразы слово «почти»?
- Я этого не говорил...
- Но подразумевали. И в таком случае процент, положенный вам, будет... несколько меньшим.
- Сколько?
- Четверть от суммы страховки.
- Клиент что-то прикинул.
- У меня нет выбора, – сказал он. – Этот остолоп... Я имею в виду сына... Не с теми связался...
- На счетчик, что ли, поставили? – понимающе усмехнулся Даниил.
- Клиент только тяжело вздохнул.
- Четверть так четверть. Только сразу и наличными.
- Договорились, – Хвостов пододвинул клиенту бумаги, которые тот подписал, почти не читая.

На следующий день в комнату старушки вошла симпатичная женщина в белом халате и сделала укол. А еще через два дня ее тело было кремировано в Митинском крематории.

* * *

Получилось так, что у Дорогина целый месяц не было свободной минуты для того, чтобы заняться розыском мерзавцев, убивших Кана Савинского и осквернивших его могилу. Навалилось столько дел, что даже Тамару и свою приемную дочь Веру он видел лишь урывками. Неделю Дорогин провел за границей, в Германии, куда вели следы сбежавшего мужа одной очень состоятельной дамы, еще неделю – в Челябинске, куда его срочно вызвал Фортунатов по делу об убийстве его партнера по бизнесу. Оба дела Дорогин завершил успешно и в двадцатых числах июня, наконец, вплотную занялся пресловутыми цыганами. На понедельник, 23 июня, он назначил совещание, на которое позвал всех, кто участвовал в раскрытии преступления.

А 22 июня, когда исполнилось сорок дней с момента убийства Кана Савинского, на его могиле снова прогремел взрыв. На этот раз без жертв не обошлось. В трех метрах от воронки обнаружили тело кладбищенского рабочего Зенона Лебяжина. Его буквально нанизало на острые, в виде копий, прутья ограды, в которой был захоронен некий полковник Борисоглебский.

Дорогина снова подняли с постели – в воскресенье он позволял себе поспать подольше, все это знали, и ранние звонки могли означать только что-то из ряда вон выходящее. Первым о взрыве сообщил Савелий, который находился неподалеку и уцелел буквально чудом. А затем звонки посыпались один за другим.

Сергей даже не стал бриться и пить кофе, сразу оделся и сел за руль. Он был в ярости: это какими же надо быть нелюдьми, чтобы и на том свете не оставлять человека в покое! «Ну, на этот раз им не уйти, – решил Дорогин, отвечая на телефонные звонки и раздавая поручения своим людям. – Скоты, какие скоты! Нет, надо браться за них основательно».

На кладбище снова было все как в первый раз – милиция стояла в оцеплении, никого не пропуская на территорию, работали криминалисты; когда Дорогин остановил машину у ворот, от них отъехала «скорая помощь», в которой увезли тело Зенона. Могила была полностью разворочена – видимо, в нее заложили достаточно мощное взрывное устройство. Неподалеку виднелась лужа крови, еще не впитавшейся в землю.

Незнакомый Дорогину следователь уже допрашивал Савелия, к которому, как всегда, жались маленькая Анжела. Сыщик подошел к ним и предъявил удостоверение. Следователь кивнул – видимо, был предупрежден о том, что частный сыщик не будет мешать официальному расследованию.

Тем временем Савелий, который взглядом спросил у Дорогина, можно ли говорить все, и получил кивок в качестве согласия, рассказывал:

– Мы за этой могилой наблюдали, Сергей попросил. Ну, ночью выпили немного, я заснул, а Зенон покойный пошел посмотреть, как дела. Он дежурил сегодня, да и сорок дней по Кану... Мало ли что. Я проснулся – нет его. Пошел следом. Вижу – Зенон за деревом спрятался и следит. А около могилы двое каких-то крутятся. Темно, не разглядеть... У нас оружия-то нет, а они, по всему видать, с пушками. Ну, порылись они там и ушли. Зенон меня отправил, чтобы я проследил, а сам около могилы остался. Те двое сели в машину и уехали – я номер-то не смог увидеть. Только марку машины запомнил – «ауди», «сотка», стального цвета. Возвращаюсь, метров двадцать до могилы не дошел – и тут взрыв. Видать, Зенон разминировать могилу решил, а мина и рванула. Я сразу милицию и «скорую» вызвал и Дорогину позвонил... Вот и все. Анжелку не спрашивайте, она в доме сидела, я ее с собой не пустил...

Когда следователь и криминалисты закончили работу и уехали, рабочие принялись засыпать воронку. С полдюжины журналистов, вертевшихся тут с самого утра, окружили Дорогина, которого знали по нашумевшим делам, раскрытым его агентством, и принялись наперебой задавать вопросы. Сперва сыщик хотел отделаться обычным «без комментариев». Но тут он услышал вопрос корреспондента РТР:

– Скажите, Сергей Андреевич, не связано ли убийство господина Савинского и осквернение его могилы с наркотиками?

Дорогин насторожился:

– Откуда такие сведения? Профессор Савинский никогда не был связан с наркомафией. Даже как бы наоборот.

– Нет-нет, именно это я и имел в виду, мы знаем, что он возглавлял организацию «Тхе Хук», которая боролась против наркотиков. Но таких организаций много, их лидеров не убивают... А тут не просто убийство...

– Мы пока не знаем, кто убил Савинского, – перебил корреспондент Дорогин. – Но узнаем, уж в этом не сомневайтесь. Скажу одно: Кан Самуилович был прекрасным человеком. Он сам пострадал от наркотиков, вы, вероятно, знаете, что из-за этой гадости у него умерла первая жена, и поэтому тех, кто распространял наркоту, Кан ненавидел лютой ненавистью. Они, вероятно, отвечали ему тем же.

– У вас уже есть рабочая версия? – встрял в разговор тележурналист, на микрофоне которого была эмблема НТВ.

– Версия есть, – кивнул Дорогин. – О подробностях пока распространяться по понятным причинам не буду.

– Сергей Андреевич, в связи с этими кладбищенскими взрывами... Вы не находите, что охрана кладбищ ведется из рук вон плохо? – спросил корреспондент ТВЦ. – Даже с назначением нового руководителя...

– Воздержусь от комментариев, – заявил Дорогин. – Тем более что при взрыве погиб работник кладбища, который, судя по всему, хотел обезвредить мину.

– А может, именно он ее и закладывал? – не унимался корреспондент. – И что-то не так сработало...

Дорогин понял, что разговор принимает нежелательный оборот.

– Подождем результатов следствия, – сухо сказал он и в сопровождении Савы и Анжелы пошел к воротам.

Тамары дома не оказалось. Вера, приемная дочь Дорогиных, которая тоже собралась уходить, сообщила, что Тамара отправилась к вдове Кана. Она, как и старенькие родители Савинского, как никогда нуждалась в помощи и поддержке. Дорогин выкурил на балконе сигарету и подумал, что нет смысла названивать сотрудникам – поручения он раздал и, если выяснится что-то новое, они сообщат ему сами. С этим в агентстве «Ольга» было поставлено строго. Оста-

валось ждать завтрашнего дня, и Сергей включил компьютер, чтобы войти в секретные сети спецслужб и выяснить, нет ли там данных на цыганского барона по имени Герасим и сведений об убийстве его младшего брата, будто бы организованном людьми Савинского. Но, несмотря на долгие поиски, ничего существенного найти не удалось.

В понедельник в 9 утра в кабинете Дорогина собрались сотрудники во главе с его заместителем Прохором Кузьмином Леонтьевым.

Бывший подполковник милиции о чем-то тихо переговаривался с Виктором Соколовым, которому было поручено собрать материалы на Герасима.

– Начнем, – произнес Дорогин. – Витя, что у тебя?

– Я мало что успел, – огорченно развел руками лучший «сыскарь» агентства. – За один день, да еще выходной... Короче говоря, Герасим – барон подмосковных цыган. Держит довольно крупный наркобизнес. В основном героин. Поставки из Афганистана. То есть все, как у других цыганских кланов России. Что касается брата – он действительно погиб в январе этого года.

– Обстоятельства гибели? – уточнил Дорогин.

– Его расстреляли.

– Как так «расстреляли»? – не понял Сергей.

– А вот так, поставили к стенке собственного дома и расстреляли. Для тех, кто это сделал, мораторий на смертную казнь не существует.

– Братец тоже наркотой занимался?

– Он был правой рукой Герасима. Собственно, на нем вся «фирма» и держалась: поставки, дилеры, в общем, техническое руководство.

– Кто его убрал? Ну хотя бы версии...

– Сергей Андреевич, – замялся Соколов, – вы же сами знаете...

Дорогин кивнул. О том, что Кан Савинский организовал массовый отстрел наркодельцов, вслух даже среди своих говорить было не принято.

– Проработал варианты, как к этому Герасиму подойти?

– Цыгане эти очень замкнуты, – сказал Виктор. – Правда, есть одна зацепка. У сына Герасима жена русская, можно разработать операцию.

– Можно... – Дорогин на минуту задумался. – Она машину водит?

– Вообще-то у них не принято, чтобы женщина за рулем сидела. Но, как ни странно, в этом случае для Зои (так ее зовут) сделали исключение. Сам вчера видел, как она на красной «хонде» развезжала.

– У Герасима, как я помню, дом под Красногорском, – сказал Сергей. – Сын с ним живет?

– С ним, – утвердительно кивнул Соколов.

– Проработай вариант с ДТП. Чтобы эта... как ее... Зоя тебя сбила на своей машине. А дальше уж твое дело. Сможешь внедриться – отлично. Время терпит. Кана не воскресишь, а вот наказать этих гадов мы должны в любом случае. У кого есть что добавить?

– Разрешите? – как школьник на уроке, поднял руку Гриша Милорадович. – По вашему поручению мы установили наружное наблюдение за домом Герасима. У него вчера поздно ночью были гости. Крупный чин из администрации области. Некий Гусеницын Олег Витальевич. Теперь понятно, кто его «крышует».

– Отлично. Прохор Кузьмич, наведи об этом чиновнике справки.

Дорогин посмотрел на часы и спросил:

– Что у нас еще на повестке дня?

– К вопросу, как ни странно, о кладбищах, – сказал Леонтьев. – Обратился старик, эмигрант, когда-то известный поэт. Еще в 90-м году уехал во Францию. Жену найти не может. Точнее, могилу жены.

Дорогин присвистнул.

– Что-то в последнее время мне все чаще с могилами приходится дело иметь. А подробности?

– Да какие там подробности... Перед отъездом похоронил жену на Троице-Лыковском кладбище, как-то ему удалось, хоть оно и закрытое. Памятник поставил, все честь по чести. А приехал – на ее месте какой-то «браток» лежит.

– Откуда он знает, что «браток»?

– Портрет на памятнике. Он говорит, что с такой рожей даже в тюрьму не берут. Да и возраст – тридцать лет. Дед уверен, что его в разборке порешили, а раз у них с женой родственников не осталось, вот и снесли могилу-то.

– Понятно... Ну и что дед хочет?

– Он в суд собрался подавать. Вот и желает, чтобы мы всю подноготную вскрыли – кто могилу уничтожил, ну и так далее. Тем более он утверждает, что за могилой присмотр был – он договор с администрацией кладбища заключил.

– Хорошо, поручи это Гене Шлеменкову. Да, и вот еще что, – остановил Дорогин поднявшегося заместителя. – Подготовь мне, Прохор Кузьмич, сводку по московским кладбищам. Все, что раскопаешь. В первую очередь схемы, как зарабатывают на погостах и вообще на ритуальных услугах. Чует мое сердце, придется нам вплотную покойничками заняться. Точнее, теми, кто их хоронит.

Леонтьев кивнул и вышел из кабинета. Он привык доверять интуиции шефа.

Глава 5

Помощник Патриарха Московского и всея Руси епископ Иннокентий принял главного кладбищенского смотрителя Москвы во вторник, 24 июня. Почти три месяца, прошедшие со дня беседы Хвостова с заместителем мэра, Матвей Иванович потратил на знакомство с шестью десятками московских кладбищ, но успел побывать едва ли на половине столичных погостов. Убедившись, что человеку, только что пришедшему в систему ритуального обслуживания населения, с налету разобраться в тонкостях невозможно, он решил посоветоваться с теми, кто мог считаться в этом деле специалистом. Владыка Иннокентий как раз и отвечал в Московской епархии за состояние православных погребений и храмов, которые располагались на территории кладбищ.

Строго говоря, было как раз наоборот – кладбища на протяжении веков возникали около церквей. И только после революции, когда церкви заменили партийные и государственные учреждения, хоронить людей стали где угодно, в неосвященной земле... Действительно, не устраивать же кладбища вокруг райкомов партии! Правда, на Красной площади у Кремлевской стены все-таки создали главное кладбище Советского Союза. Не лежать же Ленину в одиночестве...

Епископ Иннокентий последние годы был озабочен тем, чтобы на каждом православном кладбище столицы и области была возведена хотя бы часовня. То, что на одном кладбище рядом с православными покоились католики, иудеи, мусульмане, а в большинстве своем атеисты, роли никакой не играло – Бог, по определению, един. Епископ знал примеры, когда в западных областях при необходимости православный священник мог отпеть католика и, наоборот, – ксендз молился за православного. И только закоренелые атеисты обходились вообще безо всякого напутствия, оно им было просто не нужно.

Кабинет владыки в здании Московской патриархии был небольшим и уютным. Стены были завешаны иконами, в простенке между окон висел портрет Патриарха. Высокий седобородый епископ приподнялся, протянул Хвостову белую холеную руку и жестом указал на кресло, стоявшее у стола.

– Наконец-то изволили пожаловать, Матвей Иванович, – произнес он глубоким зычным голосом человека, привыкшего произносить проповеди. – Я уж думал, самому придется к вам на аудиенцию напрашиваться.

Хвостов слегка покраснел.

– В суть дела входил, владыко...

– Ну и как, вошли? – прищурился епископ.

– Вошел... – хмыкнул «главный кладбищенский сторож». – Так вошел, что выйти не могу.

– Что ж так?

– Знал я, что вокруг кладбищ атмосфера, прямо скажем, удушливая... Но чтобы до такой степени! – Хвостов развел руками.

– А что ж вы хотели, почтеннейший? – спросил епископ. – Столько лет людей отучали верить, что жизнь земная суть только преддверие жизни вечной. Столько кладбищ в одной Москве под нож бульдозеров пустили! На костях предков теперь лавочки стоят, а на лавочках алкоголики водку пьют и молодежь целуется. Гранитом и мрамором надгробий стены в метро облицовывали... А что нечестивцы на смерти братьев своих деньги зарабатывают – так это само собой разумеется. На чем теперь не зарабатывают?

– Время такое...

– Ну да, как сказал поэт, «времена не выбирают, в них живут и умирают»... Судите сами: многие века человек знал, что, где бы он ни умер, пусть даже один как перст, в нищете, – он

будет похоронен по обряду той религии, которую он при жизни исповедовал. И проводит его в последний путь не пьянчуга землекоп, а священник; и грехи ему отпустят, и похоронят его в освященной земле. И могилку его долгие годы никто не порушит, пока, во всяком случае, хоть кто-то жив из тех, кто помнит его. А предков раньше не до третьего колена помнили – и не только дворяне древних родов, но и простые пахари...

– Ну, владыко, и раньше по-разному бывало, – заметил Хвостов. – Кому-то мраморные склепы строили, которые и поныне стоят, а кому-то крест деревянный – и вся память.

– Не про то говорим, – покачал головой епископ. – Бог людей равными сотворил, а они сами уж на богатых и бедных разделились. Но разве было раньше такое: чтобы покойника на холме похоронить, чтобы могилку вода не размывала, заплатить надо?! Или, скажем, чтобы могилы иноверцев оскверняли... Правда, иудея на христианском погосте никто хоронить бы не стал. У каждой веры свое место было.

– Что было, то прошло, владыко, – сказал Хвостов. – Вопрос сейчас стоит в том, как порядок на кладбищах навести. А то ведь дерут за все, за что только можно! И чтобы справиться с этим – надо как минимум архангелом быть...

– Почто архангелом? – поднял брови епископ Иннокентий. – Чин архангельский не для борьбы со взяточниками и вымогателями. Тут и правоохранительных органов достаточно. Вы ко мне почто явились? Жаловаться? Так жалуйтесь, на то мы и поставлены, чтобы страждущего выслушать да утешить. А вот заменить вас на должности вашей не могу. Наши священнослужители и так делают все, что могут. Только могут они мало. Кладбища-то власть земная опекает, гражданская, а не церковная.

– Вот именно, что гражданская. Я предложил было военных на кладбища отправить, в смысле тех, кто альтернативную службу избрал, да господин Купцов осмеять меня изволил.

Епископ задумался.

– Интересная мысль... Правда, не дело воинов за могилами ухаживать, но если это те, кто оружие в руки взять не может по причине пацифизма своего... Тут подумать надо. С другой стороны, они что, не захотят денег заработать?

– Захотят, владыко, еще как захотят. Но сами посудите. Они же меняться будут каждые год-два, не успеют ходы-выходы узнать, лазейки всякие... Да и директора кладбищ будут под присмотром. Так-то у них везде свои люди – от землекопов до сторожей, а так будут люди государевы. При них особо не украдешь: делиться придется, а не поделишься – живо донесут по команде.

– Насколько я понял, вы хотите сломать устоявшуюся систему? – уточнил епископ. – До основанья, а затем...

– Именно, – коротко сказал Хвостов. – Судите сами: с местным криминалом они не связаны, можно вообще людей из других городов призывать...

– Погодите, погодите, – замахал руками епископ. – Все это складно, конечно, но куда старых работников деть? Уволить?

– По большинству из них тюрьма плачет, – мрачно произнес прямолинейный Хвостов.

– Не пойман – не вор, – отрезал епископ. – Будем с вами реалистами: никто вам сие осуществить не даст. Да и не только в кладбищах ведь дело, есть еще и организация похорон усопших рабов Божьих. Вот тут-то основные деньги и зарабатываются.

– Знаю я это, владыко, – вздохнул Матвей Иванович. – Тут вообще поле непаханое. Весь спектр преступлений – от мошенничества, завышения цен на услуги, до открытого вымогательства. Недавно одну фирму вычислил – представляете, ходила по семьям, у которых горе, симпатичная девушка, сулила помочь похоронить покойника на престижном кладбище, документы какие-то показывала, брала деньги, типа на подкуп директора кладбища, даже договор подписывала, а потом просто исчезала с деньгами. Родственники-то в горе, соображают туго... Ну, не все, конечно. Я сам стал разбираться – оказывается, грузин один решил подзаработать,

нашел полдюжины девчонок, чтобы по квартирам ходили, завел знакомства с работниками моргов, фельдшерами «Скорой»... Около трехсот человек облапошили.

– Слышал я про это. У нас, грешных, тоже информация поставлена; хоть мы и священнослужители, но ведь среди мирян живем. Ну, власть предержавший, что скажете? Как бороться со злом намерены? Армию вводить в «зону конфликта», то есть на кладбища? – епископ сцепил руки и внимательно посмотрел на Хвостова.

Тот не отвел взгляда.

– Я понимаю, что ритуальные услуги – дело тонкое, – сказал он. – Все-таки наши сотрудники с семьями только что умерших людей имеют дело. Так что резать по живому я не буду. Чтобы на людях не отразилось. А то мало ли что может случиться. Представьте – работники кладбищ объявят забастовку... И пикетируют свои рабочие места.

Епископ печально усмехнулся.

– Конечно, они такие доходы имеют, а тут является кто-то с улицы и этих доходов их хочет лишить. Тут забастуешь... Только вас, Матвей Иванович, снимут в тот же миг, как первый репортаж об этой забастовке появится на телевидении.

– Так что, вы советуете вообще не будить лихо, пока тихо?

– Отнюдь, – возразил епископ. – Вы правильно сказали, что резать по живому нельзя. Примите совет: поглубже вникните в ситуацию. Познакомьтесь с людьми. Внедрите в структуру своих людей, да побольше. Если у вас людей мало, то в этом я могу вам помочь с чистой совестью. У нас в монастырях молодых послушников все больше, вот мы на них и наложим послушание – помогать на кладбищах провожать православных христиан в последний путь и за могилами их следить. Толку побольше будет, чем от ваших солдатиков-пацифистов, не правда ли?

Хвостов побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– Спасибо, владыко. Предложение дельное. Только... Почему вы раньше с ним к властям не обратились?

– А кто вам, уважаемый Матвей Иванович, сказал, что церковные власти с этим предложением не обращались? Обращались, и не раз. Вот уже несколько лет ваш куратор господин Купцов обещает «внимательно рассмотреть»... И только. А ваш покойный предшественник, как я понял, не имел вообще своего мнения. Да Бог с ним, упокой, Господи, его душу, – владыка Иннокентий встал и перекрестился на икону Казанской Божьей Матери, висевшую в красном углу. – За то с его преемником, – епископ слегка поклонился в сторону Хвостова, – мы, кажется, общий язык найдем.

* * *

– Хороший был человек, светлый... – Герасим Забарский налил по полному стакану коньяка себе и сыну. Не чокаясь выпили. – Как раз полгода прошло с его смерти.

– Марину жалко, – сказал Василий, такой же толстый, как отец, но, в отличие от седого Герасима, с черными как смоль выющимися волосами. – До сих пор отойти не может. Я ей сказал, что мы за дядю Гришу отомстили, а она только рукой машет, мол, его все равно не вернуть...

– Убийца и в гробу покоя не найдет, – заявил Герасим. – Он меня и на том свете помнить будет. Жалею, что мы его живьем не взяли. Он бы у меня по капельке умирал...

– Я до сих пор не пойму, отец, как вы на этого полуеврея-полувьетнамца вышли...

– Мы бы его никогда не нашли, – скрипнул зубами барон. – Но людям иногда очень нужны деньги.

– Кто-то из своих настучал?

– Да. Пришел парень... Он несколько месяцев работал в этой его организации, как она называется... не помню. Короче, ему срочно понадобилась большая сумма, вроде как брат его кому-то задолжал. Парень не был в курсе всего, но то, что этот Савинский организовал убийство Григория, знал точно. Ты тогда в отъезде был, так что все без тебя свершили. Саша и Паша хорошо сработали.

– Все-таки надо было узнать, кто на курок нажимал...

– Это не так уж и важно, сынок. Ты же не будешь наказывать пистолет за то, что он стреляет. Но... послезавтра, на сороковины, возле могилы соберутся все его друзья, среди них как пить дать будет и тот, кто убил твоего дядю. И если в тот раз мы просто разрушили его могилу, то теперь сделаем так, что в живых не останется никто.

– Ты хочешь снова устроить взрыв?

– И очень мощный. Килограмма два-три взрывчатки.

– Так это же половину кладбища разнесет!

– А тебе что за дело? Там твои родственники не лежат. Остальное – до задницы. Ну, ладно. Поскольку ты теперь от дяди Гриши дело перенял, скажи, как тебе понравился тот новый афганец, с которым мы по «зубному порошку» работаем?

Зубным порошком между собой цыгане-наркодельцы называли героин.

Василий закурил и откинулся в кожаном кресле.

– Совсем мне этот Фарид не нравится, – сказал он, выпуская дым через ноздри. – Сладенький он какой-то, как повидло. Те люди, с которыми мы раньше работали, настоящими мужчинами были. Жаль, что их америкосы замели. А этот... Ну, да что говорить, поставки идут регулярно, жаловаться не приходится. Только вот порошок качеством похуже.

– А тебе какое дело до качества? Не тебе колоться...

– И то правда, отец. Только вот платить можно поменьше.

– Понятно. С Фаридом я сам переговорю, по спутнику. Он вроде у нас где-то учился, так что по-русски понимает.

– В Минске он учился, на химическом факультете. А кого ты пошлешь фугас закладывать? – неожиданно спросил Василий.

– Пошлю Пашу и Сашу. Начали – пусть и закончат. Следующий взрыв на годовщину смерти Григория устроим, а потом – на годовщину смерти Савинского. Не будет ему покоя.

– Стоит ли, отец? – покачал головой Забарский-младший. – Так и влететь недолго. Менты ведь не дураки, поймут, что к чему, охрану выставят...

– А пусть себе выставляют. На этом кладбище наш человек работает, предупредит, если что. Все, проехали. Как Зойка твоя? Не много ты ей воли даешь?

– Ей попробуй не дай. Огонь баба, ты же знаешь, – Василий довольно ослабился. – Да не волнуйся, она пределов дозволенного не переходит. Почти... А что я ей на тачке позволяю кататься, так ничего страшного в этом не вижу. Не в таборе, поди, живем.

– Эк сказанул... Ты табор-то хоть когда-нибудь видел настоящий? Не видел. А говоришь... В иных таборах женщины такую власть имели, что даже мне не снилась. Это мы тут, в городах, свои порядки завели. Впрочем, я такой цыганки не знаю, чтобы потребовала от мужа машину и за руль села. Русская, она и есть русская. Внука мне скоро подарите? – без малейшего перехода спросил барон.

Василий смутился.

– Ну, отец, мы же молодые еще. Вся жизнь впереди...

– Наша жизнь – как детская распашонка: коротка и запачкана, – хмыкнул Герасим. – Не успеешь оглянуться, как старым станешь. А то и посадить могут. Или того хуже – как Григория...

– Ну, что ты так мрачно!

– Поспешите, вот что. Каждый должен после себя не только кучу денег оставить, но и тех, кому он должен их передать. Не чужим же отдавать или не в землю зарывать, правда?

– У тебя-то, по крайней мере, есть кому наследство оставить...

– Надо, чтобы и у тебя было. Что-то предчувствие у меня нехорошее. Уже несколько дней какой-то запах странный чувствую. Неприятный запах... Ну, да ладно. Позови-ка Сашу с Пашей, проинструктирую их как и что.

Саша и Паша Жученко были родными братьями. Они родились с разницей в год, но были так похожи, что многие считали их близнецами. Старшему, Саше, исполнилось девятнадцать, и за эти небольшие годы он успел прослыть в кругах подмосковных цыган человеком без малейших намеков на наличие моральных устоев. Недалеко отстал от него и младший брат.

Единственным человеком, которого братья уважали и слушались беспрекословно, был барон – Герасим Забарский. Он, собственно, и воспитал братьев, рано оставшихся без отца, убитого в какой-то драке.

Герасим был человеком дальновидным и понимал, что специальные поручения типа устранения конкурентов и тех, кто мешает жить, можно давать только лично преданным людям. Он и вырастил себе таких – полных отморожков, которым было плевать на всех, кроме хозяина.

Первое дело Герасим доверил братьям четыре года назад. Пятнадцатилетний Саша должен был тихонько «пришить» мелкого торговца наркотиками, у которого оказался слишком длинный язык. Паше поручено было прикрывать брата. С поручением они справились «на отлично», устроив так, что трупа убитого никто никогда и не нашел бы. Его похоронили в уже готовой могиле на одном из подмосковных кладбищ, засыпали землей, а назавтра поверх трупа поставили гроб очередного «официального» покойника.

Убийство Кана Савинского было для них задачей для первоклассника. Выяснив, когда он выходит из дому, а также то, что профессора Савинского никто не охраняет, братья без пяти семь утра въехали в его двор на неприметной «Ладе», несколько минут подождали, и, когда профессор вышел из подъезда и направился к своей машине, Паша с трех метров выпустил в него несколько пуль из пистолета с глушителем. После этого они не спеша уехали, уверенные, что никто ничего не заметил.

У братьев даже не возникло вопроса о том, почему нужно убить этого человека. Герасим не посвящал их в свои дела, ограничиваясь простыми приказами: надо убить того-то, потому что он мешает. И все. Коротко и ясно.

Когда Герасим велел братьям Жученко заложить заряд в могилу убитого ими профессора, Саша впервые за последние годы высказал по этому поводу мысль, не касающуюся технических деталей исполнения приказа. Выйдя от Забарского, он сказал Паше:

– Видно, крепко насолил этот мужик хозяину...

– Не он ли Григория убил? – догадался младший брат. – Если так, то все понятно. Нельзя родственников уважаемых людей убивать. За них мстить будут.

– Вот-вот. Если тебя убьют, я отомщу.

– И я отомщу, если тебя кто-то обидит...

Братья пожали друг другу руки и разошлись по своим делам.

Получив приказ вторично осквернить могилу Савинского, да так, чтобы при этом получилось как можно больше трупов, Саша с Пашей решили действовать по отработанному сценарию. Бомбу, которую нужно было заложить в могилу, изготовили загодя. Она имела вид цилиндра полуметровой длины, начиненного гексогеном и, чтобы усилить поражающий эффект, разрубленными длинными гвоздями. Непривычный к слесарному делу Паша, которому поручили рубить гвозди, ощутимо стукнул себе молотком по пальцу, запустил зубилом в стену гаража и полчаса после этого поминал всех цыганских и международных чертей. Старший брат посмеялся над ним и посоветовал попробовать раскусывать гвозди зубами. Когда же взрывное

устройство, снабженное дистанционным взрывателем, было готово, его спрятали в тайник в багажнике «ауди».

Поздно ночью Саша остановил машину у ворот кладбища. Паша отправился на разведку, проклиная про себя того кладбищенского сторожа, которому было заплачено за то, чтобы в нужный момент он тихо сидел в сторожке и не высовывался. Сторож накануне по пьянке сломал ногу, и, кто теперь дежурит на кладбище, братья не знали. Но все было спокойно, и Паша, с четверть часа понаблюдав за могилой, достал мобильник и послал старшему брату условный сигнал. Через несколько минут появился Саша, неся в сумке бомбу и специальный складной бур, позволяющий быстро выкопать круглый шурф глубиной в полтора метра.

– Копай, – приказал Саша, опуская сумку.

Паша отбросил в сторону венки (на могиле Кана их было несколько десятков), вставил бур в мягкую почву и принялся вертеть его, напоминая в этот момент рыбака, готовящего лунку для подводного лова. Через несколько минут шурф был готов. Саша вытащил бомбу, проверил взрыватель и опустил ее в отверстие. Снаряд, сделанный точно по калибру шурфа, пошел вниз, выталкивая воздух, пахнувший глубинной землей.

– Засыпай, – велел старший брат.

Вся операция заняла десять минут. Братья привели в порядок могилу, подхватили сумку и направились к выходу.

– Подожди, понаблюдаем. Мало ли что, – решил Саша.

Они присели за чьим-то гранитным памятником. В неярком предутреннем свете уже можно было разглядеть даже надписи на могилах. Прошло четверть часа.

– Тихо, – скомандовал вдруг старший шепотом. Оба замерли. – Идет кто-то.

К могиле, только что оставленной братьями, приближался какой-то мужик, одетый в брезентовую куртку. Он подошел к холмику, полностью скрытому многочисленными венками, осмотрел его, покачал головой и принялся отставлять в сторону венки именно с той стороны, где был заложен заряд.

Братья молча переглянулись. Ситуация явно выходила из-под контроля. Паша достал пистолет.

– Нет, – помотал головой старший. – Пошли...

Прячась за памятниками, они направились к выходу. Саша сел за руль и медленно двинулся в сторону улицы Рябиновой. Проехав метров триста, он притормозил, огляделся – вокруг никого не было – и вытащил из кармана небольшую коробочку. Отколупнул крышку. Нажал зеленую кнопку. На панели замигала лампочка.

– Сейчас рванет, – сказал он и нажал кнопку красного цвета...

Утром, когда Герасим узнал о том, как выполнено «особо важное задание», он пришел в ярость.

– Вы что, олухи, не могли его просто пристрелить? – зашипел он.

Братья молчали, недоумевая, как их столь мудрый шеф не мог понять очевидного. Потом Саша сказал:

– Так мужик тот явно кладбищенский... Да и не просто так он на эту могилу пришел. Видать, следил за ней. Кто-то его нанял. Или родственники того, кто там похоронен, или менты... Его бы хватились утром, искать бы стали, все равно могилу бы проверили. Это точно. Да и как от трупа избавиться? Уже светло было!

Герасим подумал, что в словах молодого киллера есть свой резон.

– Вот, черт... Откуда он взялся, мать его... Ну что ж, не повезло, значит. Свободны, – махнул он рукой, отпуская братьев.

Вечером, включив телевизор и найдя на каком-то канале криминальные новости, Герасим уселся в кресле и налил себе коньяку. Он был уверен, что репортаж про взрыв на кладбище появится в эфире. И не ошибся. Сюжет шел вторым, после отчета об аресте высокопоставленного деятеля одного из банков, будто бы вымогавшего с бизнесмена взятку за льготный кредит. На экране появилась развороченная взрывом могила, на дне которой виднелись доски гроба. Памятники на соседних могилах были повалены взрывной волной.

– Сегодня ранним утром, – говорил в микрофон журналист, – на Троекуровском кладбище произошел мощный взрыв. Уже второй раз неизвестные закладывают взрывное устройство в могилу профессора МГУ Кана Савинского...

Корреспондент рассказал, кто такой Савинский, чем он занимался помимо преподавательской деятельности, а потом попросил прокомментировать происшествие одного из милиционеров. Тот коротко сообщил, что взрывное устройство, по предварительным данным, было эквивалентно нескольким килограммам тротила, начинено гвоздями и, видимо, рассчитано было на взрыв при большом скоплении народа. Но по какой-то причине устройство сработало раньше; видимо, работник кладбища Зенон Лебяжин видел, как его закладывают, и хотел обезвредить. Произошел взрыв, и Лебяжин погиб. У следствия имеется несколько версий, все они проверяются.

– На месте трагедии присутствует известный многим телезрителям руководитель детективного агентства «Ольга» Сергей Дорогин, – продолжил корреспондент. – Он был знаком с профессором Савинским и тоже, как и правоохранительные органы, занимается расследованием его гибели.

Среднего роста худощавый человек лет пятидесяти посмотрел прямо в камеру и сказал:

– Мы пока не знаем, кто убил Савинского. Но узнаем, уж в этом не сомневайтесь. Скажу одно: Кан Самуилович был прекрасным человеком. Он сам пострадал от наркотиков, вы, вероятно, знаете, что из-за этой гадости у него умерла первая жена, и поэтому тех, кто распространял наркоту, Кан ненавидел лютой ненавистью. Они, вероятно, отвечали ему тем же.

«Еще бы, – подумал Герасим. – Все в своем праве. И ты и я... Тут уж сила на силу. Око за око, как говорится».

Сюжет сменился, теперь на экране мелькала расплывчатая фигура мелкого воришки, снятая камерой наблюдения в супермаркете. Барон нажал на кнопку пульта и выключил телевизор.

– Василий! – позвал он сына, который в это время был у него и разговаривал о чем-то в соседней комнате с одним из людей отца. – Подойди сюда!

Когда сын вошел, Герасим спросил:

– Тебе имя Сергей Дорогин ни о чем не говорит?

Василий наморщил лоб, вспоминая.

– Это не директор сыскного агентства?

– Он самый. Что ты про него знаешь?

– Известная личность. Его агентство – одно из самых «крутых» в Москве. По слухам, ходит под одним очень серьезным человеком, уральским миллиардером. Кроме того, опять же по слухам, имеет «крышу» в ФСБ и МВД.

– Ох, я уже испугался, – протянул Герасим. – прямо дрожу... Этот сыщик, судя по всему, собирается на нас наехать. Вроде бы он друг Савинского.

– Плохо это, – покачал головой Василий. – За друга он землю рыть будет. Это тебе не менты, которые за зарплату работают. Это волк еще тот. Вцепится – не отпустит.

– Зубы поломает, – пробормотал барон. – Но, от греха подальше, нужно от этого сыщика избавиться. Возьми это на себя, Василий. На каждого волка должен быть волкодав.

Глава 6

– Сергей Андреевич, я сделал, что вы просили, – заглянул в кабинет к Дорогину Леонтьев.

Директор сыскного агентства, который в это время заканчивал говорить по телефону, приглашающе махнул рукой.

Заместитель уселся на стул и положил на приставной столик тонкую папку с несколькими листами бумаги.

– По кладбищам и ритуальным услугам вообще... картина вырисовывается неприглядная. Кругом криминал.

– Ладно, оставь, я посмотрю, – сказал Дорогин. – По руководителям кладбищенским есть что-нибудь?

– Есть. Непосредственно руководит всеми ритуальными услугами некто Хвостов Матвей Иванович. Недавно назначен. Бывший десантник, служил в разведке, долго был в Афганистане, ранен, потом работал в префектуре Северо-Западного округа. Судя по всему, человек честный. Мы неделю к нему присматривались, собирали информацию. Короче говоря, по отзывам, он прямой, как шпага. И такой же опасный. Был, во всяком случае. Один мой знакомый служил с ним в Афгане. Далее, курирует кладбищенский бизнес заместитель мэра Купцов Руслан Альфонсович. На этом «герое» клейма ставить негде. Как до сих пор не сел – непонятно. Скорее всего, где-то имеет очень волосатую лапу, в правительстве, а то и в Администрации Президента. На него никогда не заводилось ни одного дела, его никто не проверял, но у коллег из Конторы на него чемодан компромата. Видимо, этот Купцов принадлежит к тому кругу, членов которого трогать запрещается. Может, он сам на кого-то из очень больших людей имеет компромат...

– Так чем он занимается, этот Купцов? – спросил Дорогин. – Я имею в виду, не у себя в кабинете...

– «Крышу» делает.

– Это понятно. Кого же он «крышует»? По-моему, мы с ним никогда не сталкивались... Или сталкивались?

– Было однажды. Помнишь, Сергей Андреевич, «наезд» на бизнесмена Селиверстова? Ну, того, кто, кстати, венки и могильные памятники производит?

– Фирма «Память»? Как же, помню...

– Так вот, этот Селиверстов отказался платить некому большому чиновнику, и тот на него банду скинхедов натравил. Типа этот «изменник родины» дает работу «чернозадным эмигрантам». Скинов мы тогда прижали, а вот откуда ноги растут, так и не докопались. Я потом узнал, что Купцов «держит» весь кладбищенский бизнес. Это как в книжке про Таню Гроттер, ее сейчас Славка читает, так я заглянул, чего, мол, он так хохочет. Там одна девочка другой письмо пишет. Я даже выписку сделал.

Леонтьев достал из папки лист и прочитал, отодвинув бумагу подальше от глаз:

– «Живу у родителей, они с меня пылинки сдувают. Папашка сильно продвинулся: распределяет участки на кладбище. Оградки, скамеечки,obelisks, венки – все тоже идет через нашу контору. Хочешь работать – плати. Не хочешь – твои оградки нарушают эстетику кладбища, а венки создают пожарную опасность, так что вали отсюда». Вот примерно таким макаром. Только все гораздо жестче.

– Черт бы его побрал, – выругался Дорогин. – На костях бизнес делает... Ладно, прижмем со временем. Что по цыганскому барону?

– Пока ничего нового. За домом следим, дали сведения нашим друзьям из органов, они просили пока самостоятельно поработать.

– Хорошо. Работаем дальше.

В то самое время, когда в сыском агентстве «Ольга» перемывали косточки заместителю мэра Москвы Купцову, этот самый Купцов преспокойно сидел в летнем кафе на Арбате в обществе Даниила Хвостова. У них тоже происходила своего рода планерка, где подчиненный отчитывался перед начальником о своих успехах.

Даниил явился на встречу в строгом костюме с галстуком, Купцов же щеголял в белых полотняных штанах и такой же рубашке.

– Я, понимаешь ли, в отпуске, – сообщил он Даниилу, который с некоторым удивлением оглядел своего «благодетеля». – Послезавтра улетаю в Индию, хочу на храм Каджурахо полюбоваться.

Хвостов-младший ухмыльнулся. В этом известном на весь мир древнем храме действительно было на что полюбоваться – многие тысячи вырезанных их камня человеческих (и не только) фигурок занимались сексом во всех его формах и проявлениях. В том числе, на взгляд европейца, и весьма странных. Например, представить себе ослицу в качестве сексуального партнера Даниил не мог. А какой-нибудь индус, судя по храмовой скульптуре, не видел в этом ничего экстраординарного. Хотя бы потому, вероятно, что ослы в Москве не водятся, а на полуострове Индостан их столько, сколько у нас бродячих котов.

– Значит, Камасутру поедете изучать? – любопытствовал Даниил. – Приятная, надо сказать, штука.

– Тебе-то откуда знать? – подколот его Купцов. – Жена ушла, секретаршу, насколько я знаю, ты прогнал...

– Дурой оказалась. Непроходимой, – вставил Даниил.

– Дур тоже трахать можно. Да и вообще, мне изучать что-то в этом плане не нужно. Хотя я и старый пень в сравнении с тобой.

– Ну, не приbedняйтесь...

– Да у тебя на лице эта мысль написана. А любви ведь все возрасты покорны. Твой папаша, например. Раненый-контуженый, никому, как говорится, не нужный, а туда же...

Даниил вздрогнул. Это не ускользнуло от Купцова, который внимательно наблюдал за реакцией своего визави.

– А ты что, не знал?

– Я бы не хотел продолжать разговор на эту тему, – сквозь зубы пробормотал Даниил. – И вообще...

– Ну, вообще так вообще. Ладно, хватит про баб. Как сказал классик, о бабах не надо говорить, как о покойниках – или хорошо, или ничего; наоборот, о них только или плохо, или ничего. Согласен?

Даниил смотрел в сторону. То, что Купцов знал о некоторых сторонах личной жизни его отца, неприятно поразило его. Он решил сменить тему и подозвал официанта.

– Текила есть? Двести граммов и лимон. – Он вопросительно посмотрел на Купцова.

Тот хмыкнул:

– На такой жаре водку жрать? Извращенец... Мне пива холодненького.

Официант отправился выполнять заказ.

– На ваш счет в Швейцарии я перечислил пятьсот тысяч долларов, – сказал Даниил, доставая из дорогого кожаного портфеля файл с документами. – Все, как договаривались.

Купцов медленно поставил на стол запотевший бокал с пивом.

– А ты не ошибся, Даниил? – спросил он голосом, напоминавшим кладбищенскую речь чиновника на похоронах его бывшего начальника. – Мы не так договаривались...

– То есть? – не понял Даниил. – Полмиллиона...

– Да, но в какой валюте?!

Хвостов нервно поерзал на пластиковом стуле.

– По-моему, о долларах шла речь...

– О евро, Даниил, о евро. Пятьсот тысяч евро. У меня еще склероза нет.

Хвостов понял, что спорить и что-то доказывать бессмысленно.

– Хорошо. Я перечислю разницу.

– Вот и хорошо. Тогда это маленькое недоразумение мы забудем. – Он отпил пива из высокого фирменного бокала. – Как твои страховые дела? Многих застраховал от укусов летающих крокодилов?

– Сейчас больше страхуются от похищения инопланетянами, – принял его тон Даниил, довольный, что неудачная попытка надуть «благодетеля» не вылезла боком. – Короче говоря, на бизнес не жалуюсь. А как ваши могильные делишки? Покойнички не досаждают?

– Лежат, болезные... Кстати, анекдот есть сразу про мои дела и про твои. Приходит баба в страховую компанию: «Мой муж застраховался в вашей страховой компании от смерти на пожаре и вчера умер... Вы выплатите страховку?» – «А он умер на пожаре?» – «Нет, он отравился... Но я собираюсь его кремировать...»

Даниил усмехнулся.

– Я бы, конечно, выплатил ей страховку...

– Но по своей схеме, не так ли?

– Естественно... Кстати, неплохая идея. Справочку от врача... От МЧС... И все в ажуре!

– Вот, елки-палки, – поднял брови Купцов. – Правильно говорят, что в каждой шутке есть доля... шутки. Дерзай. Да, а что с твоим папашей? Он ведь не успокаивается... К епископу одному ходил, который за кладбища отвечает в Патриархии. Глядишь, скоро круглые столы начнет собирать с участием попов, ксендзов, мулл и раввинов.

– И генералов, если на то пошло.

– И генералов, ты прав. Вставляет твой предок мне палки в колеса. И ведь не уберешь его никак – креатура самого мэра. Ты уж извини, что я так про твоего папашу, но достал он меня капитально. Людей моих потихоньку убирает...

– Руслан Альфонсович, с отцом у меня натянутые отношения. Только одно могу сказать – есть очень мало способов как-то повлиять на него. Он ни Бога, ни черта не боится, это во-первых, а во-вторых, за свои дурацкие принципы готов отдать жизнь.

Купцов покачал головой.

– И как только таких людей земля носит? Вот, говорят, что эта самая земля на таких держится. Так и отправлялись бы под землю... Так нет же, ходят и жить мешают... Знаю я, Даниил, что батька тебе самому, мягко скажем, крылышки подрезать может. Если, конечно, узнает, чем ты на самом деле в своей страховой конторе занимаешься...

– Убьет, – сказал Даниил и залпом допил текилу. – А может, и в прокуратуру сдаст. С него станется.

– И позора не побоится?

– Если побоится, то убьет. «Я тебя породил, я тебя и убью».

– Тарас Бульба хренов...

– Хуже, Руслан Альфонсович. Тарас Бульба хоть сам жил, как хотел. У него один принцип в жизни был, а у моего батьки вся жизнь – один принцип.

– Ох ты, сам придумал? – спросил удивленно Купцов.

– Да не помню... Может, и вычитал где-то. И вообще, если бы он на меня эту гребаную фирму не повесил, все было бы по-другому.

– Что «по-другому»? – прищурился Купцов. – Детишек в школе Гоголя заставлял бы читать? А эти детишки, повзрослев, смеялись бы и говорили, что за любовь и Родину не жалко продать. Потому что превыше всего – любовь.

– А другие умные детишки с ними бы соглашались, но добавляли: «к Родине». Любовь к Родине... Блин, ну не к бабе же, действительно, а, Руслан Альфонсович?

Купцов фыркнул:

– Уел, капитально уел! Молодцом. Я тоже книжки в детстве читал. Правильные книжки. Про Павлика Морозова и Зою Космодемьянскую. А также про Гулю Королеву и Фею Убивающего Домика. Гарри Поттер тогда еще не родился. А больше всего я любил страшные сказки. Про покойников.

– Это заметно, – подколот Хвостов.

– Знаешь, как чудесно, – слушаешь на ночь сказочку в пионерском лагере, а потом снится, что ты в глухую безлунную полночь разговариваешь с мертвецами на заброшенном кладбище, а их руки проходят сквозь рыхлую землю и тянутся к тебе! И нужно поочередно коснуться каждой полусгнившей руки...

– А зачем?

– А так просто. Скажем, поздороваться. Мы же, пионеры, люди вежливые... Короче говоря, разбегаемся. А папашу твоего придется напугать. Не бойся, не до смерти. Пока.

* * *

Даниил не знал, что сегодня же вечером ему предстоит встретиться с человеком, о котором столь угрожающе говорил «благодетель». Вообще, последние годы он виделся с отцом довольно редко и лишь по необходимости. Не то, чтобы они ссорились, просто жизненные ценности у каждого настолько отличались, что говорить им было попросту не о чем. Оба понимали это, и ни разу не делали попыток поговорить, что называется, по душам, подсознательно чувствуя, что ни к чему хорошему это не приведет. Тривиальную сентенцию о том, что в спорах рождается истина, ни один, ни другой не принимали. Даниил вообще спорить не любил, предпочитая плыть по течению, не делать резких движений и вообще беречь дыхание. Отец же исповедовал постулат, гласивший, что в спорах ничего, кроме драки, родиться не может.

Конечно, Матвей Хвостов не был столь прямолинеен, чтобы не понимать, в каком мире он живет. Он просто делал все возможное для того, чтобы коррелировать мир внешний и мир внутренний с целью нанести как можно меньший ущерб и тому и другому. Впрочем, о столь высоких материях он даже и не задумывался – у него это получалось само собой. Таким уж он был человеком. Родись он где-нибудь в Тибете, из него вышел бы идеальный лама; но он родился в России, воевал в Афганистане, жил в эпоху перестройки, и поэтому принцип ничегонеделания трансформировался у него в принцип адекватного ответа. Он не собирался подставлять правую щеку, когда бьют по левой; наоборот, он считал себя вправе защищать от ударов щеки ближних.

Даниил тоже был не из тех, кто стал бы терпеть обиду. Но он старался не доводить жизненные ситуации до кризиса и уж, конечно, не бросился бы на защиту влюбленной парочки, идиллию которой нарушили уличные хулиганы.

Вернувшись после беседы с Купцовым к себе в офис, Даниил решил несколько неотложных вопросов, подписал нужные бумаги и собрался было ехать в один из столичных клубов, где частенько отдыхал от «трудов праведных», когда в кармане зазвонил мобильник. С удивлением и даже некоторым страхом он услышал голос отца.

– Даня? Ты занят сегодня вечером?

Даниил замялся, но, поняв, что у отца что-то важное, ответил:

– Всегда к твоим услугам, папа.

– Отлично. В таком случае давай пересечемся где-нибудь. Разговор есть.

– Где и во сколько?

– Сейчас восемнадцать двадцать. Давай через полчаса на Покровском бульваре. Помнишь то кафе, которое маме нравилось? Подъезжай туда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.